

1 ЗООПАРК

1

Все еще только начиналось, до конца еще было далеко.

Совсем не плоское, а пестрое было утро, что хоть куда! Одиннадцать часов утра. Люди в деревне уж встали, уж печь растопили, а в Москве кое для кого все еще утро.

Дождался. Он как дурак ждал ее уже полчасика. В метро на скамейке. Дождался. Окликнул:

— подождите!

Обернулась:

— вы мне?

— вам.

— мы разве знакомы?

И стала уходить.

— подожди, Та-Та-та!

Вернулась:

— откуда ты меня знаешь?

— я тебя сто лет знаю: «Таня Татарина — Та-Та-та».

— да кто ты? — спросила.

— да хоть Миша Китаев.

Они молча поднялись по эскалатору и вышли из метро «Баррикадная».

И дальше началось вот что — не то чтобы вальс на три четверти, а сразу, как из Трубы — ба-бах.

— Та-Та-та! — и он поцеловал ее так сильно, что все замерло вокруг, даже труба.

Была площадь, потом не важно.

Вот что важно, что она сказала:

— откуда ты взялся?

— из-под земли.

А ведь правда, они вышли из метро.

— пошли в зоопарк, — сказал.

— пошли.

То ли за дорогой дорога, то ли за решеткой решетка. Животные стояли, как ряженые.

Утро было хорошее и прекрасное, можно сказать, дождались. Редкие дни. Стоял ноябрь.

Он хоть и стоял, а лето еще не ушло. Вон оно там, и в том углу, и там, очень уж хочется продлить лето. Нет, осень прекрасна, да. И жить хочется до одурения. А стрелять из ружья не хочет-

¹ Публикуется в авторской редакции.

ся, на охоту ходить, на охоту ходить, Тургенева рядом нет, уток пострелять, или там кого. И когда бывает так, что осени почти не бывает, все лето, да лето, а потом сразу раз — и зима, то по осени скучаешь. Но вот она осень есть, хотя листьев почти нет, ни красных, ни желтых, ни даже зеленых замерзших. Но зато хочется все сразу — и лето, и осень, и пусть сразу даже будет зима, пускай.

— ты каких больше любишь? которые плавают или стоят, или медведя?

— а ты? Пушистых или с копытами?

Да все они хорошие.

— а вот,

— а вот,

— а вот,

— а вот,

а вот тут вот, а вот тут вот, а вот тут вот —

АВОТ.

И не надо опять знакомиться, когда только что познакомишься, не надо про маму, про папу, где родился, где учился. А прямо сразу, как будто уже все знаешь, а потом жить прямо всю жизнь, до самого конца, а жизнь-то не резиновая, она обрывается, зато тянется потом по-другому, даже на небесах, даже на луне, где, говорят, жизни нет. Да врут они все.

2 КАФЕ

1

В зоопарке хорошо, но холодно. Таня взяла его под руку, так теплее. Они хоть и прижались друг к другу, как пингины, но ведь без крылышек и без пуха. В легких пальто, и туфли на легкой подошве, и шапки нет. Шарф есть и перчатки.

— холодно, — сказала Таня, — пошли отсюда куда-нибудь.

Вот всегда так: женщине — первой холодно, у нее первой — кружится голова, болит живот, сердце, мерзнут ноги. А если мужчина первый про это скажет, так он — хлюпик. Вот ведь какие они разные. Женщина и мужчина не из одного теста. Тут уж творец постарался.

— я тут недалеко от зоопарка знаю одно место, — сказал Миша, — пошли туда.

А пингины в шапке и сапогах, в рукавицах, и куртки у них на пуху. Только вперед!

Они зашли в так называемое артистическое кафе. Было около часа дня, а может, и больше, часов, как известно, ни у кого нет или не смотришь на них, а по солнцу трудно определить, слишком много высотных домов.

В кафе стоял запах плохого кофе, дешевого бренди, вчерашней спермы — бывшей гульбы. Еще не прибрались. Бумажки на полу, это не листья под ногами, хоть и шуршат, а душу не греют. Почему?

Они заказали, что было: и кофе, и бренди, довольно приятный сыр с мягкой булочкой. В кафе хорошо, но тесно.

3 ДОРОГА

Поймали частника. Он их вез, как будто каждый день возил. Ни про деньги не спросил, ни куда ехать. Вез, вез и наконец привез — не так чтобы далеко, но и не близко, к дому не большому, но и не маленькому.

— здесь, — сказал Миша.

И машина остановилась.

4 ДОМ

Вошли в дом. Поднялись на нужный этаж. Пошли к двери.

Миша долго возился с ключом, то ли руки у него замерзли, то ли ключ был плохой. Он неумело открыл дверь. В квартире, куда они вошли, был длинный коридор, и вдали маячила кухня. Обе двери комнат, выходящих в коридор, были закрыты на тряпки.

— вон там моя комната, а это — соседа.

Вошли в его комнату.

— здравствуй, — сказал он. И поцеловал.

Он поцеловал ее в губы так горячо, от всего сердца, которое билось так, что не соскучишься.

— здравствуй, — сказала.

Они сняли пальто.

И Таня вдруг сразу увидела:

— что это у тебя?

У него на шее был такой прозрачный ободок. Голова его немного плавала, но никуда не уплывала. Таня еле сказала:

— у меня от тебя голова идет кругом.

— это у меня идет — смотри...

И голова его сделала оборот на триста шестьдесят градусов, а потом опять встала на место.

Он даже поправил шарф. И ободок опять появился. Вокруг шеи — под воротником растянутой рубашки.

— видишь? — спросил он.

— вижу своими глазами. Даже не верю своим глазам.

Она хотела дотронуться до ободка, но он к себе не подпускал. Буквально он окружал себя такой границей, что в миллиметре от него пальцу

было не подступиться, и не только пальцу, а даже поцелую.

— нельзя потрогать, — сказала она потерян-
но, — а ты сам можешь?

— И я не могу. И никто на свете не может.

Его голова вертелась, как глобус, на невиди-
мом шарнире, несколько раз так — фью-ю-ють, и
опять на место, а ободок опять на шее.

— а можно так, чтобы его не было? — спросила
она тихо.

— можно.

«о господи», — сказал он.

И ободок исчез. Она немножко пришла в себя
и еще тише сказала:

— а как ты к нему обращаешься?

— я говорю: «о господи».

И ободок опять появился.

Тут она только разглядела, что ободок голу-
боватый, как облако, а кое-где синий, как небо, а
там совсем белый, как туман, а там серебристый,
как роса.

Голова так прекрасно вертелась, что даже ко-
гда Миша поворачивался к Тане спиной, голова
могла повернуться к ней лицом. И можно было по-
трогать Мишины губы, глаза, но только не ободок.

— о господи, — сказала она. Но ободок оста-
вался на месте.

— а почему меня не слушается? — спросила, —
потому что он твой?

— он ничей. Просто он сейчас со мной. «о гос-
поди», — сказал Миша. И ободок исчез.

И голова была как голова — просто на шее —
не короткой, не длинной, не толстой, не тонкой, а
самой обычной шее, совершенно средней, какая
бывает у средних мужчин, немножко красивых.

Миша смотрел на нее такими плавающими гла-
зами, очень сильно похожими на ободок.

— ты что, влюблен в меня?

— не более того.

— да? — сказала она, как царица.

— но и не менее, — ответил он.

Тут она только осмотрелась и увидела: в комна-
те стояло какое-то черное пианино, поцарапанный
пластиковый кухонный стол, табуретка, старый
велосипед, два потертых мягких стула и кровать
под балдахином, таким пыльным, как за сто лет.
Деревянный книжный шкафчик — одновременно
и с книжками, и с посудой. Комната производи-
ла нежилой вид, как будто сюда давно не ступала
нога человека.

Как будто они были первооткрывателями.

Таня подошла к шкафчику. В шкафчике много
чего было интересного: пакет с кофе в зернах, на-
чатая бутылка армянского коньяка, чашки, книж-

ки какие-то невразумительные. Миша тоже подо-
шел к шкафчику и стал рассматривать, потрогал
бутылку...

— что ты так смотришь, — как будто не знал, —
это что, не твоя бутылка?

— кто-то из гостей оставил, — ответил он.

Хотя гостями в комнате и не пахло.

Она подошла к кровати. Постельного белья на
кровать не было. Матрас, покрывало, подушки в
пестрых наволочках, и все.

— а белья что, у тебя нет?

— обязательно должно быть.

— как будто ты здесь в первый раз.

— а я всегда везде в первый раз.

Миша сбегал на кухню и в большом шкафу на-
шел не только кухонное, но и постельное белье.
Принес.

— вот, — сказал он, — я же говорил.

Таня выглянула в коридор. Дверь соседа
по-прежнему была закрыта на тряпку.

— вы с твоим соседом что, друг от друга на
ключ не закрываетесь? — спросила.

— а зачем? он — за своей тряпкой, я — за своей.

— а если он заглянет?

— не заглянет.

— а он кто?

— ученый.

— а щас он где?

— пойдём, сам увидишь, — взяла его за руку и повела за собой.

Они подошли вместе к открытой соседской двери, и вместе увидели — на полу лежащее тело. Они подошли ближе и склонились над телом. Это тело было в полном обмундировании. Мундир был расстегнут и рубашка тоже. В круглой маленькой ранке, величиной с пуговицу, стояла свежая кровь. Она не вытекала и не сворачивалась. Она стояла, как в поверх наполненной рюмке. Красная, как кровь, и свежая, как роза.

— Что это, — сказала Таня, — еще за чудо.

Миша склонился еще ближе к телу и стал рассматривать его. Лицо было приятное, слегка одутловатое, бледное и уставшее. Глаза открыты. Взгляд умный, живой, но застывший, а тело не живое.

— не узнаешь, — сказал Миша, — это же Наполеон.

— похож, — сказала Таня, — но как это?

— да так как-то, так как-то все.

— ты что знал про него?

— первый раз вижу.

Миша передохнул и сказал:

— кто тебя просил сюда заходить? Я же тебе говорил: «не открывай дверь!»

— ну открыла, дальше что?

Они вышли из комнаты. Вышли тихо, как будто боялись побеспокоить тело. Закрыли дверь обратно на тряпку и вернулись в Мишину комнату.

Таня села на кровать, а Миша встал у окна. В его позе было что-то наполеоновское, и из окна, как на ладони, была видна Москва, которая и не думала гореть.

— что же это такое, — сказала Таня, — что ты молчишь?

— я не знаю, — сказал он. И это была правда.

— пойдём куда-нибудь, — сказала Таня, — проветримся.

— сейчас, — Миша достал из шкафчика коньяк и налил по рюмке, — за все хорошее, — сказал он.

Они выпили, даже чокнувшись рюмками.

Вышли из Мишиной комнаты, прикрыв ее на тряпку, и, крадучись, миновали соседскую комнату, как будто боялись потревожить тело.

На улице в разгар осени пахло весной. Ясно, что земля была холодная, но как будто на вид теплая. Даже как будто от нее шел легкий пар.

В кафе, куда они зашли, было чисто, уютно и вкусно пахло. Они сели за столик у окна и заказали печеное мясо с картошкой в горшочке и бутылку красного вина.

Официант принял их за сумасшедших любовников.

— А жас его нет. А вообще он или думает, или спит.

— а какой он ученый?

— «кот ученый», помнишь сказку — «все ходит по цепи кругом».

— шутишь?

— кроме шуток, он по профессии — ученый, а я по профессии — пешеход. У нас с ним разные пути, мы с ним редко пересекаемся.

— кто ты по профессии?

— пешеход.

— да ну тебя, — она это сказала так, как подруги говорят: «да ладно».

Миша смотрел на нее такими плавающими глазами, очень сильно похожими на ободок.

— ты что, влюблен в меня?

5 НАПОЛЕОН

1

Пока Миша стелил белье, Таня вышла на кухню, выпила из чайника воды, потом зашла в туалет и на обратном пути не удержалась от любопытства и открыла соседскую дверь.

То, что она увидела, заставило ее броситься обратно в Мишину комнату. Она подошла к Мише и шепотом, с ужасом в глазах, сказала ему:

То, что взгляд у них был сумасшедший, — это точно.

А насчет любовников говорить еще рано.

Обед с вином так взбодрил их, и красное вино такой живой жизнью разлилось по всему телу, что о т о м т е л е не хотелось и думать. Но Наполеон заставлял о себе думать, хоть живой, хоть какой, хоть какой-никакой, а Наполеон, вот уж двести лет, а все еще Наполеон.

— придумала! — разволновалась Таня.

Она попросила у официанта пакет.

— вы хотели бы что-то взять с собой, — поинтересовался официант.

— нет, — сказала Таня, — просто большой чистый пакет.

2

Они расплатились. И официант видел из окна, как они вместе, о чем-то переговариваясь, собирали в пакет опавшие листья, рвали мелкие цветы с клумбы, щипали траву с газона. Но официант только улыбнулся и даже не подумал выйти, мало ли чего не увидишь Москве.

Когда они опять вернулись в квартиру, Таня была намного смелее. Проходя мимо соседской двери, она спокойно открыла ее, убрав тряпку, и сказала Мише:

— тащи из кухни чистую простыню.

Миша сбегал и принес.

Они подошли к Наполеону. Он все также лежал в расстегнутом мундире, и круглая ранка на груди все так же была наполнена свежей кровью. Таня аккуратно накрыла беззащитное тело простыней, и потом они вместе с Мишей насыпали сверху простыни листья из пакета, траву и цветы.

— вот и все, — сказала Таня.

Но это было еще не все.

Прямо на глазах листья скукожились, трава заледенела, а цветы покрылись инеем — над простыней наступила настоящая зима, все было припорошено снегом. И только Таня хотела смести снег, как он стал таять. Вместо опавших листьев появились набухшие почки, вместо увядших цветов — распускающиеся бутоны, вместо пожухлой травы — свежая молодая травка. Пришла весна. Они не успели опомниться, как почки раскрылись и расцвели цветы, всюду зазеленели листья — разыгралось лето. И только оно пришло, как сразу стало уходить — листья пожелтели, цветы завяли, и простыня покрылась прежней опавшей листвой из пакета с той же сорванной травой и цветами.

— год прошел, — сказала Таня, — целый год.

Они вернулись в Мишину комнату, оставив Наполеона в какое-то время.

От открытой форточки — пыль с балдахина как ветром сдуло. Постель была чистая и свежая. Они так устали за все это время, что тут же уснули, укрывшись одеялом с головой.

6 ТИМ ТИМЫЧ

1

Когда Таня проснулась и открыла глаза, то увидела перед собой не Мишу, а какого-то совершенно не знакомого господина. В Мишиной комнате стоял немолодой мужчина лет пятидесяти и удивленно смотрел на Таню.

— а где Миша? — спросила она.

— какой Миша, — все также удивленно смотрел этот господин, — не знаю.

— а вы кто? — как-то растерянно сказала Таня.

Этот незнакомец, почувствовав ее растерянность, вежливо ответил:

— меня зовут Тим Тимыч. Вам знакомо мое имя?

— нет, — довольно резко ответила Таня. И нехотая добавила:

— вы же не Наполеон.

— а при чем здесь Наполеон? — сказал Тим Тимыч.

— Я, кажется, поняла, — сообразила Таня, — вы Мишин сосед.

Тут в свою очередь Тим Тимыч рассердился:

— какой еще сосед?

— ладно, — спокойно сказала Таня, — мне нужно привести себя в порядок. Меня зовут Таня.

— хорошо, Таня, — вежливо откликнулся Тим Тимыч, — я буду ждать вас на кухне.

И он вышел.

Таня все вспомнила: и вчерашний день, и Мишу с о б о д к о м, и Наполеона, и — как над простыней с опавшими листьями — прошел целый год.

Умылась в ванной и подумала: «ничего себе!»

Она вышла на кухню. А Тим Тимыч уже вскипятил чайник.

— будете кофе или чай? — спросил он.

— лучше чай, очень пить хочется.

И видя, как он умело хозяйничает, она опять спросила:

— так вы сосед?

— сейчас, сейчас, — как-то неопределенно сказал Тим Тимыч и к Таниному удивлению добавил:

— там в комнате, где вы спали, в шкафчике есть коньяк, принесите, пожалуйста, а я пока заварю чай.

— Она сходила в комнату и принесла коньяк.

— вот, — сказала она, — мы его вчера с Мишей пили.

Тим Тимыч налил коньяку и довольно весело предложил:

— выпьем за знакомство.

Они выпили. Немного успокоились и одновременно взбодрились.

— Таня, а кто такой Миша? — спросил Тим Тимыч.

— Я так думаю, ваш сосед.

Тим Тимыч улыбнулся, налил еще по рюмке коньяку и сказал:

— понимаете, Таня, у меня нет соседей, я в этой квартире живу один.

— может быть, сдаете комнату? — с надеждой сказала Таня.

— нет, — сказал он.

— тогда кто такой Миша? — спросила она.

Они оба в растерянности посмотрели друг на друга и ничего не сказали.

А коньяк тем временем кончился.

— знаете что, я, пожалуй, еще принесу, — сказал Тим Тимыч, — у меня в другой комнате еще есть. А вы пока достаньте яблоки из холодильника и сыр, если хотите, и хлеб. «И села ждать его одна». «Вот как он сейчас увидит Наполеона, вот тут-то и будет дело!» — подумала она.

Но никакого дела не произошло — Тим Тимыч вернулся спокойно и поставил на стол бутылку коньяка.

Таня вопросительно смотрела на него, и он, не понимая ее вопросительного взгляда, сказал:

— продолжим.

2

Они продолжили.

После коньяка, чая и закуски разговор оживился, и Таня сказала:

— значит, ты Тим Тимыч, а полное твое имя как? Тимофей?

Он то ли не заметил этого «ты», то ли постарался не заметить, но вполне естественно сказал:

— нет, не Тимофей. Тимур — полное имя.

— может, Тамерланд, — сказала Таня.

— тогда был бы «Там Тимыч», потому что отчество как раз — Тимофеевич.

Настроение перешло в шутовское:

— а меня зовут Та-Та-та.

— почему? в шутку? Тебе подходит.

— нет, кроме шуток, понимаешь, я — Таня Татарина.

— послушай, Таня, а что ты у меня делаешь?

— я же говорю тебе — в гости к Мише пришла.

— а давно ты знаешь этого Мишу?

— со вчерашнего дня, а может, даже с сегодняшнего. Ты когда домой пришел?

— сегодня.

— а ушел когда?

— тоже сегодня.

— значит, я знаю Мишу — с сегодняшнего.

— ничего это не значит, — сказал Тим Тимыч.

За окном уже было темно.

— ты у себя в комнате ничего странного не видел? — спросила Таня. — Наполеона, например?

— нет, — ответил он улыбувшись, — ни Наполеона, ни Александра Македонского не видел...

— я не шучу, — сказала Таня.

— хотя постой, — сказал Тим Тимыч вполне серьезно, — видел простыню с грудой опавших листьев, я подумал, Ерема принес. Ну Ерему-то ведь ты знаешь?

— нет.

— что? ты с ним не спала?

— нет.

— ну, все еще впереди...

И тут Таню как ветром сдуло. Ему удалось найти ее только на улице. Она уже была далеко от дома.

— Та-Та-та, — окликнул он.

Она оглянулась.

Он догнал.

— извини, — сказал он, — я не хотел тебя обидеть.

Они вернулись обратно домой. Уже перед дверью квартиры он сказал:

— неужели ты не знаешь Ерему?

8 ЕРЕМА

1

Уже два не совсем молодых человека просиживали уже два часа в вегетарианском кафе.

Один из них напоминал жующую корову, а второй — пастуха, который сгоняет ее с места и не дает всласть пожевать.

Этой жующей коровой, а скорее, вполне созревшим бычком, был Петр Алексеевич Дураков, а подгоняющим его пастухом — Алексей Михайлович Ерема.

У Дуракова изо рта торчали аппетитные листы салата, и он их — подальше в рот.

— чего мы тут, — стал подгонять Ерема, — сидим.

— конечно, твой ключ, не мой, — отозвался, прожевав, Дураков, — но ты же мне ключ обещал.

— обещал, — согласился Ерема. И поразмыслив, добавил:

— да не придет он уже.

— он уже и вчера не пришел, — вспомнил Дураков.

— а если придет, — покачал головой Ерема, — то (далее следует три периода ненормативной лексики)...

— твой же дружок, не мой, — вяло отозвался Дураков.

И в этот момент так весело распахнулась дверь, и появился на вид шалопаи, к тому же не один, а в сопровождении. Было сразу видно, что это она сопровождает его, а не он ее — сюда.

— а вот и Груздень! — воскликнул Ерема радостно, как крещендо, взмахнув руками. И все зашелестело в нем.

— вот Менада, — представил Груздень свою девушку.

— Менада, — сказала Менада и протянула руку сначала Дуракову, а потом Ереме.

Дураков пожал руку, а Ерема приложился к ручке, да еще так галантно-дебильно улыбнулся. Продышавшись, сказал:

— знакомьтесь, мой друг — Дураков Петр Алексеевич, а я сам — Ерема Алексей Михайлович, — надо полагать, что эта речь была обращена к Менаде, потому что Груздень знал Ерему как облупленного.

— а это мой друг — Груздень, — Ерема хотел представить его Петру Алексеевичу Дуракову.

— да я уж позвольте сам представляюсь — Ляля Груздень, — сказал Груздень и протянул Петру Алексеевичу Дуракову свою руку, которая была в меру маленькой, в меру сухой и в меру жесткой.

Почему-то все засмеялись, кроме Дуракова Петра Алексеевича, который только улыбнулся.

— давай на «ты», — сказал Груздень Дуракову.

— давай.

— вообще-то мое полное имя — Ярослав, а все свои зовут Ляля, почему Ляля? — Груздень, кажется, даже вообще усомнился в своем имени...

— мы уже тут два часа листья жуем, — сказал Ерема, — в ожидании тебя. — Он так смешно протянул «в ожида-а-а-ании», что и Дураков засмеялся.

— можно водки заказать, — поразмыслил Груздень.

— тебе же говорят — вегетарианское кафе. Кефиру хочешь?

— а я могу и сам, — и Груздень расстегнул свой тайник, где есть все необходимое, в чем только может нуждаться молодая, в меру испорченная душа.

Выпили водки, и Груздень протянул Ереме ключи:

— вот твои ключи, но не насовсем. Дашь еще? Очень нужны.

— ключи, — сказал Ерема, — просто волшебные. Всем сразу нужны.

— ладно, пошли, — сказал Дураков Ереме, — пора уже.

— а я тебе не сказал, Менада, — сказал Груздень, — они сегодня играют, тут недалеко, в маленьком театре, хочешь пойти с ними, я не могу.

— лучше в следующий раз, — сказала Менада.

— да, лучше в следующий раз, — сказал Дураков, — мы еще не разыгрались.

2

Стало вдруг тихо. Даже те коровы, которые жевали ту траву, не мычали. И вообще никто не пил, не жевал, не сосал, не глотал.

— ладно, Ляля, увидимся, — прервал тишину Ерема.

— нам с Менадой пора, — сказал Ляля Груздень, — вы тут свой кефирчик пейте, а мы пошли.

— напиток бы оставил, — сказал Ерема Ляле.

— ладно, возьми, — и Ляля Груздень оставил свою дорогую сердцу фляжку. Через мгновение они с Менадой упорхнули так же весело, как и пришли.

— скоро спектакль, ты готов? — спросил Ерема.

— слушай, — сказал Дураков, — у нас новый суфлер в театре — Миша Китаев.

— видел его? — спросил Ерема.

— еще не успел, — сказал Дураков.

— ты роль-то свою хоть читал? — не отставал Ерема. — Я-то свою не очень.

— я тоже не очень. Но слушай.

И Дураков стал рассказывать Ереме, что какая-то обычная чернуха. Про какую-то маню-ваню-шманю, кто-то ее соблазнил, кто-то на ней хочет жениться, а кто-то не хочет, кто-то кого-то любил, убил, страдания и полная дребедень.

— а дальше? — спросил Ерема. — Ты давай быстрой соображай, уже через час играть. Кто там в кого влюблен?

— ну, допустим, в меня, — сказал Дураков.

— значит, я свободен?.

— правильно, а я занят, — сказал Дураков.

— ладно, нам подсказут. Как там его зовут, этого нового суфлера, спросил Ерема.

— говорю тебе еще раз, зовут его Миша Китаев. Это его работа — нам подсказывать, — подытожил Дураков.

Но Ерема все не унимался:

— а девицу-то как звать? эту маню-шманю?

— а зовут ее просто «девушка», просто так, понимаешь, д е в у ш к а. Но, знаешь, говорят, этот суфлер сидит там и шипит, слов у него не возможно понять — рассуфлер. Ты, главное, на меня смотри, — сказал Дураков, — когда я свободен, она вроде бы в тебя влюблена, а когда я занят в роли, то получается — в меня.

— тогда, получается, я, что ли, в нее? — спросил Ерема.

— ты, главное, не запутайся, — сказал Дураков, — она что-то вроде крестьянки или домработницы, или домохозяйки, или хозяйки, о, вспомнил! — воскликнул Дураков, — иногда к ней почему-то обращаются «мама, ма-ма».

— а может, «ня-ня», — сказал Ерема.

— а может, и ня-ня. Ты, главное, на меня смотри.

Они вышли из кафе. В переулке не было видно ни одного ребенка, ни одной женщины, ни одного мужчины. Все были какие-то не те: ребенок был похож на старичка, женщина — на мужика, мужчина — на уродливую бабу. Там не было Эвридики.

И уже в театре — Миша Китаев, новый суфлер, так понравился Ереме, а Ерема так понравился Мише, а спектакль так никому и не понравился, что после спектакля они вместе выпили водки «за все хорошее». И когда Миша узнал про ключ, то попросил его у Еремы на пару дней. А Дураков, оставшись без ключа, сначала обиделся.

— ладно, не обижайся, — сказал ему Ерема, — у тебя ключ — был, у меня — был, у Груздня — был, а у Китаева — еще нет. Пусть тоже будет.

Так и появился Ерема.

1

Был уже совсем поздний вечер. От Тим Тимыча Таня так много узнала о Ереме и почти ничего — о Мише Китаеве. А между тем она устала, да и Тим Тимыч тоже. В нем нельзя было открыть страсти — «ни к еде, ни к вину, ни к охоте, ни к курским соловьям, ни к голубям, страдающим падучей болезнью, ни к русской литературе, ни к иноходцам, ни к венгеркам, ни к карточной и бильярдной игре, ни к танцевальным вечерам, ни к поездкам в губернские и столичные города, ни к бумажным фабрикам и свеклосахарным заводам, ни к раскрашенным беседкам, ни к чаю, ни к доведенным до разврата пристяжным, ни даже к толстым кучерам, подпоясанным под самыми мышками, к тем великолепным кучерам, у которых, бог знает почему, от каждого движения шеи, глаза косятся и лезут вон».

— Уже очень поздно, — сказал Тим Тимыч, — ты иди ложись вон в той комнате, а я пойду к себе.

— И ты не боишься в своей комнате? — спросила Таня.

— а кого? — спросил он.

Ее так и подмывало рассказать про Наполеона, но она только сказала:

— да так.

А потом добавила:

— эту простыню с листьями принесли мы с Мишей.

— зачем? — удивился Тим Тимыч.

— да так, — ответила она неопределенно.

И они разошлись по комнатам — спать.

Сколько прошло времени, не известно, но сколько-то прошло. Таня, не раздеваясь, лежала на кровати под балдахинном, укрывшись одеялом. Горел маленький свет.

Тим Тимыч постучался, и она услышала:

— Таня, ты не спишь?

— нет.

Он вошел в комнату и присел на кровать.

— там это... у меня в комнате...

— прорезался, значит, — спокойно сказала Таня.

— кто? — спросил Тим Тимыч.

— а ты как будто его не узнал? Наполеон! — так же спокойно ответила.

— ты что, о нем знала.

— конечно. Я его сразу узнала.

Вот узбеки Наполеона бы не узнали, «подумаешь, лежит там какой-то в мундире», Наполеон до них не дошел, и африканцы бы не узнали, и в Австралии могли не узнать, нет, среди австралий-

цев много бывших ссыльных, они могли узнать, и американцы бы узнали, среди них тоже много ссыльных. Зато все европейцы узнали бы его как родного.

Он — Наполеон — чуть ли не в каждом доме побывал, чуть ли не за одним столом сидел, как же тут не узнать.

— пойдём ко мне, — тихо попросил Тим Тимыч.

Таня поднялась, и они вместе с Тим Тимычем вошли к нему в комнату.

Наполеон лежал на прежнем месте, только простыня с опавшими листьями валялась рядом.

Таня встала рядом с Наполеоном и сказала:

— может, его похоронить?

— как же можно его похоронить? — сказал Тим Тимыч. — Если его нет.

— ну вот же он.

— а ты всегда веришь своим глазам?

2

— всегда.

— а вот если я сейчас превращусь в крокодила и тебя съем, тоже поверишь?

— когда ты меня съешь, меня уже не будет, значит, и поверить я не смогу, — сказала Таня. — Я верю только пока я здесь, в этой комнате. Неужели ты думаешь, что если бы я оказалась сейчас у себя дома, я бы поверила в эту комнату и в тебя. Конечно, нет, — заключила она.

— но ведь смотри, — сказал Тим Тимыч, — если мы все состоим из клеток, то скорость не состоит из клеток.

— я знаю, — сказала Таня, — скорость состоит из скорости, а время из времени.

— а я знаю, что ты состоишь из молодости, а я — нет. И мы с тобой — разные.

И вообще слово «клетка» имеет очень много смыслов: звери в клетке, в тюремной клетке, человек в клетке или птица в клетке, или вообще «живу, как в клетке», шотландская клетка, шахматная доска из черных и белых клеток, платок в клетку, лестничная клетка, и в плохих домах на лестничной клетке воняет плохим табаком и мусором, а в хороших домах воняет хорошим табаком, а больше ничем не воняет. А уж в тюремной клетке или в цирковой, или в зоопарке, в этих клетках нет жизни, значит, можно задохнуться. А ведь в настоящей жизненной клетке — и есть самая настоящая жизнь. А когда ты из одной живой клетки можешь сразу прыгнуть в другую живую клетку — вот это жизнь! Вот ведь Наполеон — прыгнул — и лежит тут себе в комнате, свеженький, и ему хоть бы хны — ни война его не берет, ни время.

И Таня увидела весь земной шар в одной клетке, всю землю. Земля плавала в такой прозрачной голубоватой жидкости, «как о б о д о к», — подумала она. И всю землю можно было держать в руках, и она вертелась. И все на земле было видно, там был и океан, и пустыня, и море, и Москва, а если поближе посмотреть и увеличить масштаб, то была видна и комната, и Таня. «Как странно! я вижу сама себя на расстоянии», — подумала она.

Таня с Тим Тимычем сидели в комнате Тим Тимыча на кровати и следили за Наполеоном — каким образом и куда он денется.

И чтобы не заснуть и не пропустить этот важный момент, они занимали друг друга разными разговорами.

Тим Тимыч сказал, что самые серьезные вопросы решаются между прочим — не в присутственных местах, не за чаем в пять о'clock, а где-нибудь на крыше или даже под кроватью. И у каждого свои важные вопросы — с в о и. Для кого важно — «ч т о д е л а т ь?»

Вообще, а для кого — «быть или не быть?» сегодня в три часа на Пушкинской рядом с метро в кафе. И «к т о в и н о в а т?» — вообще, или виноват его лучший друг и мама.

А Таня молчала, хотя ей так хотелось поговорит и про Мишу, и про о б о д о к.

И пока Тим Тимыч говорил, Наполеон лежал на месте.

Этот разговор ни к чему не привел, зато он привел за собой другой разговор — про то, что речь должна быть точная, а то она будет расплывчатая. Вот нельзя сказать:

Директор дет. сада

Заведующий тюрьмы

Председатель завода

Начальник колхоза

Но даже если сказать правильно:

Заведующий детского сада

Начальник тюрьмы

Директор завода

Председатель колхоза —

То от этого не будет лучше:

Ни в детском саду, ни в тюрьме, ни на заводе, ни в колхозе.

А Наполеон все лежал на месте.

А потом зашел разговор вообще про глупости. Про арт-объекты. Такая тема, что может усыпить любого. Тим Тимыч сказал, что все может быть арт-объектом. Таня это уже сто раз слышала, и ей даже лень было отвечать. Даже сарай со сло-

Утро наступает всегда по-разному.
Хуже всего, когда утром разбудят.
Но утром никто не разбудил.

Когда Таня проснулась в чужой комнате, она не стала покрепче закрывать глаза, чтобы произошло чудо, чтобы чудесным образом оказаться у себя дома, — этот волшебный способ уже несколько лет не помогал. То ли она — повзрослела, то ли способ — устарел. А ведь в совсем ранней юности бывало так, что проснешься где-нибудь за городом, на чьей-то непонятно чьей даче, потом надо очень сильно зажмурить глаза, заснуть и проснуться уже у себя дома в своей постели. Впервые этот номер не прошел, когда однажды Таня открыла глаза и поняла, что она не только не в Москве, а что она вообще в Америке. Тут уж никакие жмурки не могут помочь, тут может помочь только сама жизнь, которая имеет свою скорость. А скорость у нее, у жизни, то маленькая, то большая, а то совсем возьмет и встанет, и жди, пока она наберет скорость.

Наоборот, Таня пошире раскрыла глаза, можно сказать, распахнула — в комнате был серый, мягкий свет. Когда же настанет «мороз и солнце день чудесный», наверное, никогда не настанет — останется только в стихах. Хорошо, что так много всего остается только в стихах, а может, это плохо, нет, все-таки хорошо — а так бы вообще нигде не осталось. Ведь раньше «ветренная Геба, кормя Зевесова орла, громокипящий кубок с неба, смеясь, на землю пролила» — и пролила на самом деле, а сейчас пролила только в грозу в начале мая. Таня даже почувствовала, что она выпалась, и так был приятен этот мягкий серый осенний свет.

Она вышла на кухню и увидела там Тим Тимыча, который, оказывается, уже проснулся и сидел пил чай.

— очень приятное утро, — сказала Таня.

— очень, — ответил Тим Тимыч, — особенно если учесть, что сейчас пять часов вечера.

— о-го-о! — сказала Таня.

После этот «ого!» прошел почти час, за который Таня успела принять душ, высушить голову, выпить чашку чая.

И только после этого она сказала:

— как-то у тебя прохладно.

— топят, но слабо, — сказал Тим Тимыч.

— а какая-нибудь печка есть?

— а как же! сейчас за дровишками сбегая и камин разожгу.

— нет, кроме шуток?

— где-то был обогреватель.

манным стулом и разбитым унитазом может быть выставочным арт-объектом.

— но вот уж что точно арт-объект — это собор Василия Блаженного, — сказала Таня

— а я и не спорю, — сказал Тим Тимыч.

— а этот твой объект с унитазом — есть в каждом захолустном поселке, а не только на выставке арт-объектов. А мой собор только один в Москве, единственный в своем роде, и больше нигде он быть не может. Так тебя послушать, и Наполеон может быть арт-объектом, вот посмотри! — И Таня хотела указать Тим Тимычу на Наполеона.

Но Наполеона на прежнем месте не было.

За этим разговором они так и не увидели — к а к? и к у д а? — делся Наполеон.

— я же говорил, что е г о нет, — сказал Тим Тимыч в свое оправдание.

— я пошла спать, — сказала Таня.

И наступило утро.

Этот весьма практичный разговор был прерван звонком в дверь.

— открыть, что ли, — сказал Тим Тимыч.

— ты женат? — спросила Таня

— да в общем — нет.

— тогда открывай.

Но это был не Миша.

Вслед за Тим Тимычем на кухню вошел молодой человек, который, судя по природным данным, может оставаться молодым человеком лет до семидесяти. В руках у него был большой апельсин. И этот оранжевый цвет апельсина так приятно влился в серый полумрак и так нежно оттенил его, что прям хоть рисовать. Но вместо рисования Тим Тимыч зажег большой свет на кухне и сказал, обращаясь к Тане:

— я тебе вчера рассказывал про Ерему, так вот он и есть.

Тим Тимыч взял апельсин у Еремы и сказал ему: — а это Таня. Мы вчера познакомились.

Тим Тимыч уже привык к Ереме, а Таня, конечно, обратила внимание на самую необычную наружность Еремы.

Глядя на него, сразу даже было трудно понять, что в нем не так. Внешность очень привлекательная. Но что-то не так. Он довольно высокий, светлые волосы, темные, почти круглые глаза, светлая борода, мягкий приятный овал лица. Вот что! Нет усов. Но оказалось, что усы не то что сбриты, а их никогда не было и нет. Машинально Таня протянула руку и потрогала пушок над верхней губой у Еремы. Это было достаточно смело с ее стороны, но он не удивился.

— не растут, — сказал он

— да, нет усов, — подтвердила она.

И они оба рассмеялись

— ну вот и познакомились, — сказал Тим Тимыч, тоже усмехаясь.

— сейчас Дураков придет, — сказал Ерема, — мы с ним разминулись.

— ну прямо театр у меня устроили, — сказал Тим Тимыч, как бы в шутку сердясь.

Было слышно, как ключом открывается входная дверь. Тим Тимыч выглянул из кухни в коридор — там в дверях стоял молодой человек в длинном темном пальто в шляпе и с маленьким шарфиком.

— раздевайтесь и проходите, — сказал Тим Тимыч.

На кухню вошел молодой человек, лет тридцати, стройный, но довольно худой, в замечательно сидящем на нем костюме. Про этот костюм надо сказать особенно. Те, кто видели костюм в первый раз, могли подумать, что Дураков нарочно при-

оделся для встречи. Но Ерема, знавший Дуракова уже пять лет, видел его исключительно только в этом костюме. Причем этому костюму ничего не делалось. Он не мялся, не старел, и не было на нем никаких пятен. Хотя Ерема собственными глазами видел, как Дураков и валялся в нем, и заливал его и кофе, и вином. Но стоило Дуракову потрясти костюм на ветерке — и брюки, и пиджак как новенькие. Собственно, ни в чем другом Ерема Дуракова и не видел — как только в этом костюме. Но ни Таня, ни Тим Тимыч об этом не знали, и оба подумали: «какой ухоженный молодой человек».

— ты где ключ взял? — спросил Ерема у Дуракова.

— Миша Китаев передал, — ответил Дураков, — сказал: «отдай Ереме».

— а где ты его видел?

— в нашем кафе. Мы с тобой как расстались, я зашел в кафе и там с ним случайно встретился. Вот ключ, — сказал Дураков и положил ключ на стол.

— не надо на стол, денег не будет, — сказал Тим Тимыч и положил ключ к себе в карман.

То ли Тим Тимыч забыл дни своей молодости, то ли вообще не знал, что ключи имеют способность размножаться — иногда в ларьке металлоремонта, а иногда и сами по себе.

— так ты видел Мишу Китаева! — восторженно сказала Таня. — Где он?

— откуда я знаю. Я его видел. А потом больше не видел.

— он решил подработать у нас в театре суфлером, так, может, он в театре, — сказал Ерема Тане.

— нет, — сказала Таня, — у него другая работа. Он работает пешеходом.

— кем? — сказал Тим Тимыч, не скрывая удивления.

— да, я знаю, он — пешеход, — твердо сказала Таня.

Тим Тимыча уже давно удивляло, где вообще молодые люди берут деньги на жизнь, чтобы попить коньяк, сидеть в кафе, прилично одеваться. Что они, по ночам вагоны, что ли, разгружают? но в Москве не хватит столько вагонов на всех молодых людей. Или у них есть какая-то кормушка? или одна им известная тумбочка? Тим Тимыч не знал.

12 ПЕШЕХОД

А Миша действительно на полном серьезе работал пешеходом.

То есть он тратил некоторое усилие и время, и за это потраченное усилие и время — он получал деньги. Правда, небольшие, всего тысячу

рублей за час. Но все-таки он их получал, значит, это была работа. Своих клиентов он мысленно называл попутчиками. Иногда он шел на встречу и представлял: «что у меня сегодня будет за попутчик?» Таких попутчиков иногда набиралось один в день, иногда два, а иногда вообще не набиралось. Иногда попутчик мог пригласить Мишу пообедать вместе, иногда выпить кофе, а иногда и сам Миша мог угостить попутчика чем-нибудь. Так за разговорами во время пешей прогулки проходил незаметно час, а следующий час они по общему согласию могли тоже провести на прогулке вместе. И когда они гуляли, Миша в основном слушал, а попутчик говорил, ведь известно, что незнакомому человеку легче всего поведать свои тайные мысли.

Началось все это год назад. Миша подумал, что работы бывают разные, лишь бы другому человеку от твоей работы была польза. Не говоря уже о том, что бывают совершенно бесполезные работы, и их большинство, а бывают и совершенно вредные работы, и их больше, чем большинство. А эта работа, которую он себе придумал, была совершенно безвредная, а может, даже и полезная. Сначала он эту работу воспринимал как шутку, как своего рода «акцию», «хеппинг». И совсем для общества — не опасную. Чем плохо? если идут два человека и беседуют. Миша открыл собственный сайт, разместил свои данные, и работа пошла. В месяц у него получалось не так много денег — тыщ тридцать, или двадцать, или сорок в рублях. Но если учесть, что занимало это всего два-три часа в день, то это хорошо.

Если считать, что Москва — город криминальный, и опасно ходить не только с пистолетом, но и без пистолета, и опасно есть в дешевых кафе, так же как и в дорогих, и опасно ездить на такси, так же как и на частниках, а также на маршрутках, троллейбусах, автобусах и метро. Вообще опасно ездить. Так же как и пешком ходить опасно. Поэтому бояться нечего. И надо летать, плавать, ходить и сосать.

Миша так и делал.

Пока он не узнал, что есть Та-тата.

Она появилась внезапно, как луна. То есть, как луны, ее сначала не было на небе, а потом она появилась. Вообще, сначала он никогда не обращал внимания, когда не было луны. Но потом, когда она появилась, он только и думал о том: «хоть бы не пропала». Она появилась не как футбольный мяч в небе, а как такой огромный легкий шар, которым играют в море, который нельзя даже обхватить руками, только подхватить и подкинуть вверх. Вот такая была луна. И хорошо, что она

была сделана из луны, что она была не пластмассовая, не гуттаперчевая, или виниловая, как мягкая голубая пластинка, которая уже тыщи лет крутится и играет, а вот как кончит играть, так и все, можно выбросить, никому не нужно.

Когда Миша в первый раз увидел Таню Татаринову, она была не одна. Она была с женщиной, который ей годился в Зевсы, то есть не дряхло-старый, но прилично-старый. И видно было, что она его любит, а он ее — нет. Миша бы спокойно сразил этого Зевса, но Таня сама сразила Зевса, когда отвернулась от него и пошла прочь. И тут Зевс ее окликнул: «Та-тата», и она бросилась к нему обратно, и у Миши так захватило дух, когда они стали целоваться, что он уже готов был сразить их обоих. Но тут Таня сама сказала: «сегодня ничего не будет». И тогда Зевс сказал ей: «тогда завтра». И тогда Таня назвала это место на метро «Баррикадная» и время. Там-то Миша и ждал ее, когда все началось.

С этого момента на «Баррикадной» прошло уже два дня, и теперь Миша не знал, что ему делать. Он был в растерянности. Таня знала его секрет про о б о д о к, да еще этот дурацкий Наполеон, который появился так некстати. Да еще этот дурацкий принц, которого нужно было сопровождать. Это была не самая приятная работа, но та, на которой можно подзаработать. Но обязанность ему показалась очень тяжелой.

Принц желал ничего не упустить такого, про что дома у него спросят, видел ли он это в России; да и сам желал воспользоваться, сколько возможно, русскими удовольствиями. По утрам они ездили осматривать достопримечательности, по вечерам участвовали в национальных удовольствиях. Принц пользовался необыкновенным даже между принцами здоровьем; и гимнастикой, и хорошим уходом за своим телом он довел себя до такой силы, что, несмотря на излишества, которым он предавался в удовольствиях, он был свеж. Принц много путешествовал и находил, что одна из главных выгод теперешней легкости путей сообщения состоит в доступности национальных удовольствий. Он был в Испании и там давал серенады и сблизился с испанкой, игравшей на мандолине. В Швейцарии убил гемза. В Англии скакал в красном фраке через заборы и на пари убил двести фазанов. В Турции был в гареме, в Индии ездил на слоне и теперь в России желал вкусить всех специально русских удовольствий.

Большого труда стоило распределять все предлагаемые принцу русские удовольствия. Были и рысаки, и блины, и медвежьих охоты, и тройки и цыгане, и кутежи с русским битьем по-

суды. И принц с чрезвычайною легкостью усвоил себе русский дух, бил подносы с посудой, сажал на колени цыганку и, казалось, спрашивал: «что же еще, или только в этом и состоит весь русский дух?»

Миша не то что сразу влюбился в Таню, но такую девушку он видел впервые. Он увидел, что она старше его и что она женщина. Она, ясно, была влюблена, и он знал ее тайну. От этого он был сумрачно-рад и солнечно-рад одновременно. Как же ему повезло, что он вообще ее встретил. Ведь трудно просто так встретиться, ведь их никто не знакомил. Сами по себе. Он хотел ее всю — иметь, обладать, любить, жалеть, играть, насиловать, лелеять, целовать, волочиться. Она была проста, как простушка, коварна, как кобра, спокойна, как караван верблюдов, жива, как ранняя пташка, умна, как вода, неистощима, как волна, что еще? все еще... недоступна. Влюбленный человек, как правило, ничего не видит вокруг себя, но у него, наоборот, обострилось зрение, нюх стал острым, он почувствовал запах бензина и особенно молока, хотя по соседству молокозавода не было, он был только за кольцевой дорогой Москвы. Все это было два дня назад, когда он сам по себе гулял по улицам, и ни одного попутчика пока не было, и деньги к нему не текли рекой. Тогда от нечего делать он и зашел в маленькое здание, где, оказывается, размещалась театральная студия. В театр требовался суфлер, и Миша подумал: «а почему бы и нет?» И согласился поработать. Так он и познакомился с Еремой и Дураковым. А дальше все произошло, как по-писаному: Ерема ему дал ключ от квартиры, в метро он дождался Таню, и в первый же день привел ее в квартиру Тим Тимыча. И теперь у них с Таней был общий секрет — и про о б о д о к, и про Наполеона. А на следующий день он отдал ключ от кварти-

ры Дуракову. И теперь у Миши не было ни ключа, ни Тани, ни Наполеона. «о, господи!» — мысленно сказал он. И голова его сделала полный оборот и вернулась на место. У него был о б о д о к.

13 ПЕРВЫЙ ПОПУТЧИК

Когда Миша остался один — без Тани и без ключа, он, как никогда желал, чтобы ему позвонил первый, после таких важных для него событий, попутчик.

Был день, и в небе не было луны. Но как будто ее с роду в небе не было. Небо было совсем пустое без Тани. А вот если бы луна в один прекрасный день на самом деле исчезла, то ведь нашлись бы ученые дяди, которые бы толково или bestолково объяснили, что не могло и быть иначе. А через тыщу лет вообще бы все забыли про луну. Что вот, мол, в небе была когда-то луна, а потом исчезла, то есть на следующую ночь не появилась, так по-тихому, как будто ее и не было. И луна бы осталась только как миф. Так бы и писали мифы о луне. И еще бы она осталась в стихах. Но стихи для людей почему-то вещь не серьезная. Хотя что может быть серьезнее стихов? Только стихи.

И тут раздался звонок. В это время Миша был на бульваре. Это прорезался мобильник. «Пешеход?» — спросил мужской голос. И Миша ответил: «пешеход», — и они назначили встречу. Договорились у Пампуша, что на Пушкинской площади.

Миша считал минуту за минутой, ожидая своего попутчика. И вот он появился. Миша сразу понял, что это он, потому что у остальных людей, прохаживающихся или стоящих у памятника, был безразличный туповатый взгляд, а у этого человека взор горел. Этот человек сразу вычислил Мишу и направился к нему: «вы пешеход?» — спросил он. «Да», — сказал Миша, и они вместе пошли по часовой стрелке, то есть к Страстному бульвару. Этот первый на сегодняшний день попутчик был Ляля Груздень. Он сразу же сказал Мише, что его зовут Ляля, а Миша сказал ему, что его зовут Миша.

Вообще, с другими попутчиками, Миша не спрашивал ни их имени, ни род занятий и своего имени не называл. И никогда их потом больше не встречал. Но тут был особый случай. Потому что был особенный день. Ляля был высокий, худой, и на смуглом лице у него светились светло-карие глаза. Даже не светло-карие, а почти желтые, даже не желтые, а почти оранжевые, и круглые, как у породистой кошки. Через пять минут они уже были друзьями. Они говорили, перебивая

друг друга, им хотелось одновременно сразу все друг другу рассказать. Поэтому что они оба были влюблены, и каждый в свою девушку, и для каждого это было самое важное.

И девушку Ляли — звали Менада. А девушку Миши — звали Таня. И каждая девушка была совершенно необыкновенна для каждого из них.

И когда Ляля сказал, что у Менады есть хвост, Миша сразу даже не воскликнул: «как, хвост!» Ну, хвост и хвост. И только через минуту до него дошло, что у Менады есть хвост.

И он воскликнул, вопросительно глядя на Лялю: — как, хвост!

— так, — сказал Ляля, — самый нормальный хвост.

— что значит нормальный, — сказал Миша, — а, что бывают и не нормальные хвосты?

— я в хвостах не очень разбираюсь, — ответил Ляля. И чуть задумавшись добавил: «но это совершенно человеческий хвост».

— а что, бывают и не человеческие? — как-то растерянно сказал Миша.

— конечно. Бывают звериные, рыбы, птички, ну сам понимаешь.

— вообще-то, да, — подтвердил Миша, припомнив все хвосты, которые он мог вспомнить. — ну а у нее какой?

— у нее — самый настоящий человеческий.

— это значит какой?

И Ляля стал объяснять, что если Менаду раздеть, то она очень стройная гибкая девушка, на очень стройных длинных ножках. Но это не все. Что там, где у обычного человека копчик, вырос длинный, величиной с ногу, упругий, как бы из одних мускулов, очень ухоженный хвост, покрытый обычной человеческой кожей.

— значит, он не пушистый? — наивно спросил Миша.

— совсем нет, — ответил Ляля.

И дальше Ляля рассказал, что когда они познакомились с Менадой, у нее хвоста не было. А вырос он буквально за одну секунду, как она ему потом сказала.

— то есть ты сам не видел, как хвост вырос? — втягиваясь в этот загадочный разговор, спросил Миша.

— нет, я не видел. Ну а чего ей врать-то, что хвост за один миг вырос.

— и как же она с ним ходит? — спросил Миша. — куда она его прячет?

— она, понимаешь, носит длинную юбку и очень ухаживает за хвостом. Она на него надевает чулок, чтобы он не мерз, а на кончик хвоста — чехольчик из твердой кожи, она его сама сшила. И знаешь,

хвост, оказывается, очень удобная вещь, она им отталкивается и очень быстро бегают, в сто раз быстрее, чем я, я за ней не успел, когда мы были за городом, и она побежала, и никто бы не успел. Но может и спокойно ходить, чуть только опираясь на хвост.

— да, — многозначительно сказал Миша.

— ты что, не веришь? — спросил Ляля.

— почему, верю, — серьезно ответил он, вспоминая и про свой ободок, и про Наполеона. Но он не хотел про это говорить. И вместо этого сказал:

— а можно посмотреть?

— что посмотреть? — не понял Ляля.

— посмотреть на хвост.

— конечно, нет, — как-то даже испуганно ответил Ляля, — ведь это моя девушка, не могу же я ее для тебя раздеть, — и он, смутившись, отвернулся.

— вообще-то, да, — сказал Миша, — ладно, извини.

— ведь это тебе не цирк, — миролюбиво сказал Ляля и уже совсем весело добавил, — придумал!

— что придумал? — спросил Миша.

— мы пригласим Менаду за город в Коломенское, ты сам все увидишь.

14 КОЛОМЕНСКОЕ

— а чего туда тащиться, — сказал Миша, — тут недалеко сад «Эрмитаж», можно там побегать.

— ты не понимаешь, что ль, — возбужденно сказал Ляля, — этот твой Эрмитаж для Менады все равно что два шага.

— ну ладно, ладно, — примирительно сказал Миша, — поедем тогда в Коломенское, только ты позвони Менаде, может, она и не хочет.

— хочет, — сказал Ляля, и в ответе его был восторг.

Менада, правда, хотела. И они, правда, встретились у ворот в Коломенское.

Миша сразу поверил, потому что набегались они за Менадой не то что не поспевая, а она была вроде как на горизонте.

— этого не может быть, — сказал Миша, когда они присели на скамейку.

— ты устал, — весело спросила его Менада

— честно говоря, устал, — запыхавшись, сказал Миша, — давно я так не бегал...

— а больше всего я боялся тебя потерять, — добавил Ляля, — просто потерять из видимости.

— а вот как раз домик Петра, — сказала Менада, — отдохнем

Заплатили за билет в домик Петра Первого — спящей контролерше, которая проспала уже сто лет на своем кресле, где, слава богу, никто не стрелялся и не давали бал. Все было по-домашнему и по-тихому. Встретил их, конечно, сам государь Петр Первый, властитель всея Руси. Они не стали наблюдать ни Полтавскую битву, ни прочие увеселения Петра во младенчестве, а сразу приступили к делу. К закуске.

На закуску были поданы что-то вроде рябчиков, но очень вкусные, чьи-то ножки и как-то не к месту чипсы в пакете. Были поданы золотые кубки, видимо, кроме золотых, других в домике не было. И красное вино в кубках просто сияло от улыбки. Конечно, были водки, настойки, шотландский виски и прочие ликеры. Еще не дошло до основного блюда.

Развели костерок. Прямо рядом с домиком Петра. Петр хозяин — он принимает.

Поджарили на вертеле такого барана, который был прямо величиной с барана, а никакого там буйвола или слона, как врут некоторые, когда им удается отведать барана.

Петр принес здоровую бутылку рому. Такого вкусного и такого душистого, что сразу проглотить было нельзя, надо было чем-то запить. Только один Петр проглотил сразу не запивая.

— извините, господа, не рассчитал, — и Петр удалился в домик Петра и принес еще один какой-то загадочный сосуд. Он, видимо, хотел удивить этим сосудом, потому что торжественно и деликатно преподнес его Менаде. Она приняла и в свою очередь скромно поклонилась Петру. Она откупорила сосуд.

— термос! — радостно воскликнула она. — то что надо, термос!

Это действительно был термос, которым Петр очень гордился.

Менада открыла термос.

— чай, привезенный с острова Цейлон и упакованный на мануфактурах Англии, — сказал Петр, — угощайтесь.

Чай был такой вкусный! А с ромом и свежезажаренным бараном — просто пир.

— вы дворяне — на службе у государя и его двора, — сказал Петр, лукаво подмигивая своим гостям.

— рады служить отечеству, — сказал Миша, разгоряченный ликером и закуской.

— а ваша дама сестра, что ли, ваша? — спросил Петр

И тут Груздень набрался сил и твердо сказал:

— это Менада, моя невеста, государь.

— Что ж буду на свадьбе, — сказал Петр Первый и ласково потрепал Менаду по голове.

— а что ж ты, молодой человек, молчишь? — обратился Петр к Мише. — есть у тебя невеста или жена? Скажи?

— я влюблен, государь, — ответил Миша. И в словах его было достоинство и спокойствие.

— значит, не сломя голову влюблен, — с доброй улыбкой сказал Петр.

— нет, голова у меня на плечах, — ответил Миша.

— тогда, похоже, это любовь, — заключил Петр.

— похоже, — согласился Миша.

— а как звать ее, твою любовь? — Петр был явно заинтересован происходящим.

— Таня, — ответил Миша.

— из какого же она государства? — спросил Петр.

— она — московская.

— московские девушки — хорошие, — одобрил Петр.

Петр помолчал, а потом серьезно спросил:

— и она тебя любит?

— вот этого я не знаю, — сказал Миша, — а хотел бы узнать больше всего. Узнать это — моя мечта.

— раз мечтаешь, — сказал Петр, — значит, узнаешь. А как узнаешь, приходи ко мне.

Петр отошел немного в сторону. А потом стал удаляться, а потом и совсем пропал. И молодые люди, и Менада почувствовали, что встреча закончена. Но было что-то недосказано. Но они почувствовали, что это в другой раз.

15 ЯРЕМА И АПЕЛЬСИН

— ладно, Тим Тимыч, уже поздно, можно я у тебя останусь, — сказал Ярема, облокотясь щекой на руку и делая вид, что засыпает.

— артист, — сказал Тим Тимыч.

— и я тоже, можно? — в том же духе сказал Дураков, и как-то по-детски шмыгнул носом.

— вон там, в кухонном столе — два пустых ящика, в них и ложитесь. — сказал Тим Тимыч.

— значит, можно, — Ярема даже подпрыгнул, — у тебя же комната свободная, пойду посмотрю.

— не ходи туда, — сказал Тим Тимыч строго, — там девушка.

— что, у тебя там девушка? — изумился Ярема.

— да, девушка, — сказал Тим Тимыч.

— что, твоя девушка? — в том же духе не отставал Ярема.

— не моя, — как-то рассудительно ответил Тим Тимыч, — но просто Девушка. Не ходи.

Но Ярема уже пошел.

Он как пошел, так и вышел.

Он вернулся и сказал:

— нет там никакой девушки. Там на диване спит кошка.

Тут уж Дураков не вытерпел, и пока Ярема застрял на кухне, пошел сам посмотреть, что там в комнате.

Буквально через минуту он вернулся и сказал:

— никакая это не кошка, а собака, типа колли, пойди сам посмотри.

Но в этот миг раздался звонок в дверь.

— Это еще кто? — вопросительно посмотрел Тим Тимыч на Ярему. — Иди открывай.

Ярема встал и пошел.

— Так это же Ляля Груздень, — закричал он из коридора, — с Менадой. Встречайте!

Такого веселья Тим Тимыч не ожидал.

— щас я вас всех сначала выгоню, — негромко сказал он, — а потом опять впусу.

Менада сразу всех очаровала. Бывают такие девушки, которым это не стоит труда.

Она протянула Тим Тимычу руку и тут же утерла лоб.

— набегалась, — как бы шутя сказала она.

— это Дураков, — обратился к ней Тим Тимыч.

— да мы знакомы, — сказала Менада, — здесь все свои.

Со всеми своими она была на «ты». Ну и Тим Тимыч решил с ней на «ты».

— у нас тут чай, коньяк, — предложил он Менаде, — что тебе?

— и то, и то, — сказала, — спасибо.

Ночи как и не бывало. И ни сна в глазу.

— а я пойду спать, — сказал Ярема, — я уже два дня не спал. Кто со мной?

И после того как выяснили, сколько у Тим Тимыча комнат и кто где будет спать, и после того как Тим Тимыч сказал, что в эту комнату ходить не надо, что «там девушка», Менада воскликнула: «посмотрим!» И быстрее кошки она просто впрыгнула в закрытую комнату. И все за ней.

Но в комнате не было ни девушки, ни кошки, ни колли. Там вообще никого не было. Стояла кровать, покрытая даже несмятым покрывалом.

— я ж говорил, — сказал Ярема, — никого нет, а кошка привиделась. Тут-то я и посплю...

Но поспать ему не удалось. Вся компания вернулась на кухню.

Тим Тимыч был как будто растроган. Он сказал:

— друзья мои, приходилось ли вам накануне зимы видеть в небе чистый церулеум, когда уже нет никакого цвета в небе, только сизо-туманные облака, и вдруг откуда-то этот раннего утра цвет небесно-морской воды, такой цвет который бывает только в море и в небе одновременно, а больше нигде не бывает, это бывает только один раз наяву, а так никогда.

И все слушатели заслушались.

— и где этот цвет, — первая оживилась Менада.

— в комнате, — спокойно сказал Тим Тимыч.

— пойду посмотрю, — сказала Менада.

После этого дверь закрылась, и наступило действие.

Менада вернулась, а в комнате — никого.

— послушайте, — я вам вот что скажу, — сказала Менада, — там в Коломенском в домике Петра Первого был Миша.

И вдруг из комнаты выскочила Таня.

— говори, говори, как тебя зовут? — обратилась она к Менаде.

— Меня? Менада.

Так вот, Миша сказал Петру Первому, царю, что Та-тата — это Мишина невеста.

— дальше говори, — сказала Таня.

— Миша сказал, что Таня тататта сама его найдет, и он сам ее найдет случайно, то есть они сами по себе случайно увидятся опять, вот.

— а Миша что сказал? — спросила Таня.

— а ты кто? — спросила Менада у Тани.

И за всех ответил Тим Тимыч:

— я же сказал, что в комнате — девушка. Зовут

ее — Таня Татарина. Та-тата. Знакомьтесь.

Вот так и познакомились.

— я вот что тебе хотел сказать, — сказал Ярема

Ляле Груздю:

— Ты свою девушку любишь, ты Менаду любишь?

— КОНЕЧНО ЛЮБЛЮ

— ПОТОМУ ЧТО ЕСЛИ НЕ ЛЮБИШЬ ТО НЕ НАДО

— ДА ПОШЕЛ ТЫ К ЧЕРТУ

И ДАЛЬШЕ ПРОИЗОШЛО ВОТ ЧТО —

ВСЕ КАК-ТО ОДНИМ МАХОМ ЗАСНУЛИ

И НАДОЛГО

и надолго

все говорят на своем языке

и, каждый на своем

и дальше пошло вот про что:

— тебя что больше интересует, — сказал Ярема Дуракову, — про войну 1812 года с Наполеоном или про домовых и утопленников?

Дураков сказал:

— про утопленников в батарее, им там и лучше.

16 ГРУЗДЕНЬ ПЕРВЫЙ РАЗ У ТИМ ТИМЫЧА

Пульнуть

— что-то не спится, — сказал Груздень, — а вот как ты думаешь, Ярема, — вот если взять собор Василия Блаженного, сжать его до горошины и пульнуть им из рогатка в Кремлевскую стену? Прорвет, как ты думаешь?

— я думаю, прорвет.

— а вот как ты думаешь, если взять Исаакиевский собор, сжать его до горошины и пульнуть им по Эрмитажу? Думаешь, прорвет?

— прорвет. Распулялся тут. Чего-нибудь попроще спроси.

И Груздень спросил попроще.

— а вот как ты думаешь, Ярема, если взять всех людей вместе на земле, сжать их до горошины и пульнуть ими из рогатки по луне?

— я думаю, от людей останется дух на луне, мне так кажется, глупо если они рассыплются на кирпичи.

— а вот как ты думаешь, если взять все-все-все, что есть в мире, во всех вселенных, вместе взятых и даже перемноженных на самих себя по сто раз, и это все сжать до горошины и пустить прямо в бога, как ты думаешь?

— я думаю, что не долетит до бога.

— а почему, Ярема?

— потому что ты пьешь коньяк без меня и не даешь мне спать.

В конце концов Дураков тоже проснулся.

И спросил у Ляли Груздня:

— как ты думаешь, там девушки спят? Таня с Менадой спят?

Груздень что-то невразумительное промычал, зато определенно сказал:

— у Менады есть свой секрет.

— какой секрет? — оживился Дураков.

А в это время Менада с Таней не спали, и Менада по секрету сказала Тане: «Ты знаешь, у меня есть хвост». Таня слышала, но ничего не сказала. И Менада подумала, что Таня спит. Менаде стало скучно, и она вышла на кухню.

А Таня загрустила и подумала — вот у Миши есть о б о д о к и вращается голова, у Менады — хвост, а у меня ничего нет. Ничего особенного. И тогда Таня подумала, что у нее зато есть Наполеон, и это ее собственный Наполеон, а больше ничей. И так ей захотелось на него посмотреть. А для этого нужно было пробраться незаметно в комнату к Тим Тимычу.

И Таня потихоньку пробралась в комнату, чтобы только взглянуть на свой собственный секрет, на своего собственного Наполеона. И что же она увидела в комнате, когда вошла и неслышно прикрыла за собой дверь? Там в комнате, на полу, раскинув руки, лежал ее собственный Наполеон, а на кровати, раскинув руки, спал Тим Тимыч. И Таня склонилась над Наполеоном и стала тихо приговаривать — только бы Наполеон не заговорил, только бы он не заговорил, вот так лежит себе и лежит, а как заговорит — еще не поймешь, что скажет.

И Наполеон не заговорил.

Зато Тим Тимыч проснулся и так бодро спросил: — Таня, а ты знаешь про люптединов?

Икринка люптедина есть везде, повсюду есть маленький люптедин, икринка сидит на чем угодно, а в ней сидит маленький люптедин. Когда оболочка икринки лопнет, на свет появится готовый люптедин, точно такой же по размеру, как новорожденный человек. Но есть одна особенность — люптедин развивается со скоростью света или как нормальный слоненок. Сразу после рождения может встать на ножки, а через час заговорить, через месяц он уже готовый пятилетний человеческий ребенок и знает, что земля стоит вроде бы на трех китах или слонах или вроде бы вертится вокруг солнца, что, впрочем, одно и то же, и у люп-

тединов есть свой трактат. А Живут люптедины всего десять лет.

— да откуда ты про них знаешь, про этих люптединов? — спросила Таня.

— ниоткуда. От себя самого. Это мой секрет. У них есть свой трактат.

Трактат люптединов

1 никогда не надо прыгать в пустоту.

2 никогда не надо натывать на машину, превышающую твой собственный вес.

3 не утоляй жажду всем подряд, что можно пить.

4 не использовать лысую голову в качестве стола.

5 не укради.

6 не целуйся на морозе с железными качелями.

7 не бей в пустые ворота.

8 не прелюбодействуй.

9 не бейся головой об стенку.

10 не убий.

17 И НАЧАЛОСЬ ВОТ ЧТО 2

На Ярему никто не обращал внимания, и Ярема сделал обиженный вид и откинулся в кресле на подушке.

— конечно, надо спать, — сказал он, — конечно, на большой кровати, в чистом белье, легли бы так по-дружески в комнате у Тим Тимыча. Да хоть со мной, хоть с Дураковым.

И тут по-дружески раздался звонок в дверь.

Сказали: пицца, с часу до трех первый обед по-французски.

— и последний, — сказал Ярема недоверчиво, — мы вам что-нибудь должны? — спросил он у курьера.

— нет, все оплачено, — ответил курьер и так же вежливо ушел.

— это он прислал, — сказала Таня.

— кто, — спросил Тим Тимыч.

— Миша.

— да успокойся ты со своим Мишей, он спит у себя дома и кофе пьет, — сказал Ярема

— и третий сон видит, — сказал Дураков в подтверждение, — а цветы надо в банку поставить, а то завянут. И он взял у Тани цветы и плюшевого мишку.

В каком-нибудь романе между женщиной и женщиной в поместье разворачивается роман за один день — во время завтрака он в нее влюбляется, за обедом предложение сделал, а за ужином они поженились. А тут с твоим Мишей цветы, какие-то мишки, чего он курьера прислал, а сам не зашел? Я спрашиваю.

— Сам спрашиваешь, сам и отвечай, — сказал Тим Тимыч, — чайник поставьте, будем чай пить.

Он сходил к себе в комнату, принес коробку с печеньем и коньяк.

— сыр в холодильнике, — сказал он, открывая коньяк, был еще паштет — в холодильнике.

— был, — сказал Ярема.

— чай вкусный, — сказала Таня, разливая чай.

— и полезный, — отозвался Груздень, пойду Менаду посмотрю.

— после любовного утра, — сказал весело Ярема.

— и после любовного утра тоже, — ответила ему в тон Менада, как будто так быстро появилась, как на сцене.

— а вот и любовники, — весело сказал Тим Тимыч, обращаясь к Менаде, которую нежно сопровождал Груздень.

— а прекрасно, когда идет снег, — сказала Менада.

— а это у нас что? — спросил Груздень, показывая на пиццу.

— это у нас пицца, — ответил Ярема.

— это хорошо, — сказал Груздень, — так давайте поедим.

Все оживились.

Когда обычная пицца — это лагман с кульчи-таем и с пловом и с куриными потрошками и с шашлыком у костра под звонкие бутылочки ахашени с жареными колбасками в Цюрихе да заесть квашеной капусткой под рождество в Москве и с красной икоркой и ледяной водкой в Костроме, то есть везде, где не проедешь есть с кем выпить и закусить за здоровье граждан и сограждан и благополучие нации прямо на вокзале в Питере или в мастерской у неизвестного художника, а может и известного, не будем называть имени, да хоть за здоровье тех кто просто подметает.

Вот сейчас будет зима, я люблю, когда под фонарями идет снег. Такая мразь кругом, а под фонарями чистый снег. И жутко холодно, и жутко страшно.

— но где твой Миша, Миша-то где? никакого Миши и нету.

— он здесь, — сказала Таня, — он здесь, ладно я пойду спать.

Она пришла в комнату к Тим Тимычу и там на полу вместо Наполеона был Миша.

— привет, — сказала она.

— привет, — сказал он.

— ты тут посиди тихо, — сказала Таня, — я сейчас там поговорю и вернусь.

Таня пришла на кухню, а там как обычно — обсуждали костюм Дуракова.

— вот, — сказал Ярема, — повезло же Дуракову, костюм не мнется и не пачкается, словно в нем родился. Можно и в костюме спать. Думаете, повезло Дуракову с костюмом, как ты думаешь, Таня?

— конечно. Повезло, — сказала Таня, — а ты, Дураков, в бога веришь?

— я его люблю.

— а ты, Ярема, — спросила Таня, разливая чай

— ну вот почему про все серьезное надо говорить между делом, — сказал Ярема и налил себе рюмку коньяка.

— особенно когда выпьешь, — сказал Тим Тимыч и налил себе тоже, — присоединяйтесь, — сказал он Дуракову и Тане.

— все, ребята, — сказал Тим Тимыч, — сегодня по домам, дебаты на потом — и про любовь и вечную жизнь, и про бога, и как готовить пиццу, а сегодня спать.

И все разошлись — Дураков с Яремой и с Грузднем и с Менадой пошли в маленькую комнату. А Таня пошла в комнату к Тим Тимычу, а Тим Тимыч пошел за Таней к себе в комнату, и вот так сюрприз — комната, как вошла Таня, была закрыта изнутри на задвижку. Тогда Тим Тимыч вернулся на кухню сел в кресло и подумал — а мне и тут хорошо.

И вроде бы все улеглось, все встало на свои места: Тим Тимыч — на кухне, вся актерская компания — в маленькой комнате, а Таня — в комнате у Тим Тимыча, где происходит — все. И началось все сразу.

Лежал себе, лежал Наполеон, а потом раз — и вместо него появился Миша.

— Миша, сказала Таня, — это ты?

— как видишь, — сказал Миша, — целый и невредимый.

Таня дотронулась до него. Это был самый настоящий Миша, а не игрушечный. И даже ободок на месте. И даже голова повернулась вокруг своей оси несколько раз.

— что ты крутишь ободком, так голова улетит, — сказала Таня улыбаясь, — верю, верю.

— а человек — всегда так, — сказал Миша серьезно, — глазам своим не верит, пока сам чего-нибудь не потрогает, не поверит. Вот и ты, пока до меня не дотронулась, не верила.

— нет, мне просто хотелось тебя потрогать. Я тебя ждала.

И они обнялись.

Но поцеловаться они не успели.

Под дверью стоял Тим Тимыч, и он сказал:

— Таня, с кем ты разговариваешь?

Тогда Миша успел шепнуть ей: «я сейчас уйду. Мы будем с тобой здесь встречаться. Приходи, когда сможешь».

И он исчез, как будто его и не было.

— Таня, открой, — сказал Тим Тимыч за дверью. И громко постучал.

Таня спокойно открыла дверь. Тим Тимыч вошел и ничего странного не обнаружил.

— я слышал голоса, — сказал Тим Тимыч, — женский и мужской, — с кем ты разговаривала.

— ты же видишь, здесь никого нет, — спокойно ответила Таня, — я сама с собой разговаривала, роль репетировала.

— но я слышал мужской голос.

— ну так я меняла голоса, — невозмутимо ответила Таня, — что тут удивительного?

— тоже в актрисы подалась, — иронично сказал Тим Тимыч, — тогда иди в маленькую комнату, там вся актерская компания. А я спокойно посплю. Устал я.

— ну и пойду, — сказала Таня как будто с обидой. И вышла.

Она вошла в маленькую комнату, а там было шумно и весело.

Обсуждали хвост Менады.

— не верю я ни в какой хвост, — весело трещал Ярема, — покажи, тогда поверю.

— а его сейчас нет, — так же весело ответила Менада.

— да его вообще нет. И не было, — сказал Дураков и тут же засомневался, — ведь Грузднем же видел.

— подумаешь, Грузднем, — сказал Ярема, — мало ли что может привидеться в любовном пылу страсти.

И хвост у Менады — раз и появился. Она почувствовала его под юбкой. «Есть!» — сказала она.

— что? — в один голос сказали все вместе.

— хвост, — спокойно сказала Менада.

Ее обступили вокруг.

— покажи, — попросил Ярема жалобно, как ребенок, — Грузднем и Миша видели, как ты там с хвостом в Коломенском бегала, а я — нет. И Дураков — нет. Покажи пожалуйста. Никогда не видел живых хвостов. Я пока не дотронусь, не поверю.

И тогда Менада показала кончик хвоста под юбкой. Яреме жутко захотелось дотронуться.

— а трогать нельзя, — сказала она и прикрыла хвост.

— а мне можно? — спросила Таня, неслышно подойдя к компании.

— никому нельзя, — строго сказала Менада, — только я сама могу трогать.

Она дотронулась до хвоста, и он исчез.

— ладно, хоть увидели, — примирительно сказал Ярема, — а так бы я не поверил. А то все хвост да хвост.

— а никто тебя не просит верить, — вступился за Менаду Груздень, — что, она врать будет?

— почему врать, — сказал Ярема, — просто хвалиться. Ведь ни у кого больше хвоста нет.

— а я сразу поверила, — сказала Таня, — почему только у меня ничего не появляется.

— у тебя — больше всех, — вдруг воодушевился Ярема, — у тебя человек появляется, — и он протянул: че-ло-век.

— откуда ты знаешь? — испуганно сказала Таня, вспомнив о Мише.

— а как же! — шутиливо сказал Ярема. — ты же сама сказала, что это Миша тебе принес мишку и цветы, а нам пиццу.

— кстати, о пицце, — вставил Груздень, — пошли поедим.

И там был Лермонтов. Вот его еще только не хватало.

18 ЛЕРМОНТОВ

И там был Лермонтов.

И там был Лермонтов. Вот его еще только не хватало.

Ну был же Пушкин.

И хватит.

Хватит, а тут еще Лермонтов.

А самый хороший получился Максим Максимыч, вот как человек жил в горах, так и жил, а Белла тут совершенно ни при чем.

Печорин — он, конечно, хорош — противный, но приятный и вообще.

Но вот любил ли Лермонтов Пушкина. Да кто знает. Да кто знает, тот пусть и скажет.

Как же молодым людям охота поболтать. Хоть о газе, хоть о противогазе.

— это был не Миша, — сказал, как бы подзадрывая всех, Ярема.

— нет, не Миша, — подтвердил Груздень, — Миша остался в Коломенском.

— Миша тот, кто подает о себе знаки, и Миша тот, кто меня любит, — спокойно сказала Таня.

— вот это номер! — просто воскликнул Дураков. — а может, я тебя люблю, значит, я Миша?

— может, и Миша, — так же спокойно сказала Таня, — только не т о т Миша.

— значит, все, что любовь, то и — Миша, — подытожила Менада.

— нет, — сказала Таня, — успокойтесь, только мой Миша и есть моя любовь.

Груздень полез в свою сумку, а там что-то звякнуло. Это были три золотых петровских бокала из Коломенского из домика Петра, из которых

они там пили с Петром — Миша, Груздень и Менада.

— вот, петровские бокалы из Коломенского, — сказал Груздень как бы неуверенно, — мы из них пили с царем Петром Первым, — добавил еще более неуверенно.

Зато Ярема уверенно сказал: «надо бы вернуть».

— а может, и не надо, — засомневался Дураков, — это для нас целое состояние, а для него — копейки.

— но бокалы-то музейные, — сказал Ярема и добавил: — раз Груздень нашел их у себя в сумке, пусть он и везет их обратно в музей.

— а может, Менада отвезет, — задумчиво сказал Груздень, как будто Менада не его любимая девушка, а так, девочка на побегушках.

— нет, я не побегу, — сказала Менада, — кто его знает, будет хвост или нет, а на метро мне неохота.

— я отвезу, — сказала Таня, — вы же за меня пили как за Мишину невесту, вот я и отвезу, а заодно и с Петром познакомлюсь.

— на свадьбу его не забудь пригласить, — как-то некстати развеселился Ярема, — будет свидетелем. А там, глядишь, и крестником, как у Ганнибалы. А там, глядишь, у вас и Пушкин народится, и русская литература не зачахнет. А то стала чахнуть. И все чахнет и чахнет. И вот даже Пушкинскую премию дают. И вот все не тому и не тому. Все не тому и не тому. Вот сам Пушкин им бы не дал.

— тебе бы дал! — сказал Тим Тимыч, как-то незаметно появившись на кухне, — и как вам не надоело болтать!

— все, Тим Тимыч, расходимся, — сказал Ярема.

— я полежу у тебя в комнате пять минут и поеду, — сказала Таня Тим Тимычу.

— полежи, — согласился Тим Тимыч.

Миша сидел по-турецки в комнате у Тим Тимыча на полу.

Он сказал Тане:

— ты выходи через дверь, а я буду ждать тебя на улице.

Таня заглянула на кухню, положила бокалы в свою сумку и сказала всем: «я поехала», а Тим Тимычу сказала:

— я вернусь к вечеру, Тим Тимыч, может, и с Мишей.

— хорошо, сказал Тим Тимыч, — заходите в гости.

Таня зашла, и они легли вместе с Мишей. Плотные шторы были закрыты и было темно, как вечером. Наполеон лежал на своем месте на полу, и Таня сказала, глядя на Наполеона:

— лучше бы это был Пушкин. Кто такой для тебя Наполеон? Да никто. Чужой человек. А Пушкина я знаю, я ему письмо написала, в глуши, в деревне все вам скучно, но вы к моей несчастной доле хоть каплю нежности храня, вы не оставите меня, а он мне ответил, что в женщине самое главное — это порок.

А Миша сказал:

— и я все про него знаю, что он пальчик себе отморозил, а мама ему в окно грозила. И я себе пальчик отморозил, и мне мама в окно грозила. А про порок тебе Пушкин не говорил. Это тебе твой бывший любовник говорил, а мне Пушкин про порок не говорил.

— тебе не говорил, а мне говорил, потому что ты мужчина, а я женщина. Мужчина мужчине никогда бы не сказал. Но главное тут — мысль. А мысли все равно, что мужчина, что женщина, просто Пушкин — гений и высказал это гениально, а мой любовник просто высказал. А так одно и то же.

— надо мне было твоему любовнику руки не подавать за то, что он тебя так испортил.

— а ты что, подал?

— я же благородный человек, конечно, подал, когда он на краю пропасти стоял на Ниагарском водопаде, я подумал: «ну все, конец ему» и подал, припоминаешь?

— нет, что-то не припоминаю. А то, что мой любовник меня испортил, тебе ведь нравится, ведь нравится? Раз я тебе нравлюсь.

— нравится.

И наступила тишина.

Но вот наконец, когда солнце стало спускаться к западу, степь, холмы и воздух не выдержали гнета и, истощивши терпение, измучившись, попытались сбросить с себя иго. Из-за холмов неожиданно показалось пепельно-седое кудрявое облако. Оно переглянулось со степью — я, мол, готово — и нахмурилось. Вдруг в стоячем воздухе что-то порвалось, сильно рванул ветер и с шумом, со свистом закружился по степи. Тотчас же трава и прошлогодний бурьян подняли ропот, на дороге спирально закружилась пыль, побежала по степи и, увлекая за собой солому, стрекоз и перья, черным вертящимся столбом поднялась к небу и затуманила солнце. После любви-степи наступила тишина.

Когда они очнулись от тишины, Миша сказал:

— мы будем про литературу говорить или про любовь?

— А литература очень располагает. Вот математика не располагает, физика, химия, вообще точные науки. И чем точнее, тем меньше располагает. А если найдется уж совершенно точная наука —

Точная-преточная,

Точная-преточная-преточная,

Преточная-преточная-преточная —

И во время нее будут говорить о любви, то любовь — вымрет. Как пить дать, вымрет. Кому пить дать? Тому, кто будет говорить.

— нет, лучше бы все-таки Пушкин здесь лежал, а не Наполеон. При Наполеоне как-то неловко целоваться.

— а при Пушкине ловко?

— Пушкин — свой.

И наступила тишина.

Хорошо, если бы брызнул дождь!

Еще бы, кажется, небольшое усилие, одна потуга, и степь взяла бы верх. Но невидимая гнетущая сила мало-помалу сковала ветер и воздух, уложила пыль, и опять как будто ничего не было, наступила тишина.

Любовь-степь отошла.

— а то, что у нас в комнате Наполеон появляется? как ты думаешь, это необыкновенно?

— не знаю, может, у кого-то тоже кто-то появляется, откуда мы знаем.

А может, быть это единственный случай вообще среди людей и в мире, ну, никогда этого не было и не будет?

— может быть, откуда мы знаем.

— а ты чего больше всего боишься?

— войны.

— больше, чем смерти?

— больше.

— вот если раз — и умереть, то я не боюсь, а войны боюсь, потому что сто раз подряд можно умереть каждый раз.

— но ведь пока живешь на войне, это все-таки жизнь, а ведь жизнь все-таки лучше, чем смерть.

— хуже.

— а как же красота подвига на войне?

— да нет там никакой красоты, одно уродство и ужас.

— а еще я больше всего привидений боюсь. Вот ты думаешь, наш Наполеон — это привидение? Я, например, думаю, что с Коленкуром он не знаком, а с Тим Тимычем знаком.

— да, он какой-то другой.

— а какой?

— откуда мы знаем.

Они посмотрели на пол, а Наполеона уже — нет.

20 ОЧЕНЬ КРАСИВО

Таня вышла на улицу, но Миши на улице не было. Зато было вот что —

Какое модное облако! И подсветка электрическая от солнца. И лобовое стекло, как у нового трамвая. На шинах уже зимняя резина, так что кататься сколько хочешь, а облако стоит. Нет, даже еще лежит, еще нежится в постели в пестром восточном халате, и такое умытое, ухоженное, и не колышется, стоит на месте. Конечно, нелегко нести такую красоту, можно и растаять от движения, только пошевелились. А остальные серенькие облака бегут себе и бегут, кто на работу, кто в магазин. А наше облако стоит и не шелхнет. Настоящее модное облако. И творец, который сотворил это облако, был явно искушенный в своем деле. Тут явно были произнесены такие волшебные слова, как «господи, помилуй» и «помоги, царица небесная». Тут явно не обошлось и без спецэффектов, какие только есть в современном творчестве. А вот помощников не было — ни архангела Михаила, ни архангела Гавриила. Нико-

го. Они явно отдыхали. Первый, чтобы еще лучше бороться с нечистой силой, а второй, чтобы еще лучше возвещать о приходе творца, который в каждый миг приходит каждый миг.

Но явно, это облако творил один творец. Мало того, что оно было модным, это облако было и практичным — и на случай жаркого солнца, и на случай дождя. И даже когда таксист, а может, ямщик закричал: «ну, барин, беда: буран!», это облако уже было. Даже Пушкин про него знал, но особенно не говорил. Потому что это облако было всегда на своем месте — в небе.

А тем временем, как в старые добрые времена, пока облако бережно было в небе, таксист привез Таню не куда-нибудь, а к ее любовнику. Ох уж эти любовники! О них особый разговор.

Любовник. Вот вопрос? Может ли быть любовник, если нет мужа? Сначала спрашивается ответ: нет, потому что любовник — это тот человек для любви, когда есть муж. Ну это само собой. Но это не совсем так. Оказывается, любовник может быть и без мужа. Не будем углубляться в некоторые виды мужей, так сказать, гражданский муж, курортный муж, муж в другом городе, во время войны, во время грозы, во время покорения луны, во время боязни света, темноты, солнечного удара, шаровой молнии, когда речку переплывали, когда были на необитаемом острове, когда в лесу, когда в поезде, когда в тире, когда в Ясной Поляне, а когда и в Санкт-Петербурге. Кто где. Каждый по возможности, по желанию, и, говорят, по providению. Что только ни говорят.

Но оказывается, что любовник может быть и без мужа. Просто любовник, и все тут. А может быть и такое, что этот любовник — и сам по себе любовник, и вместо мужа, и вместо отца, и вместо ближайших родственников, и вместо ближайшего рестораника, где очень хорошо готовят грибы под винным соусом с орехами. Но это уже просто извращение.

Конечно, все должно быть на своем месте — муж на месте мужа, зима во время зимы, любовник на месте любовника, а не осень во время лета, когда лето такое холодное, и уже целую неделю льет дождь, а однажды — так все соседи по даче говорят, и даже в деревне говорили, и даже по радио и по телику, и по спутниковому телику, и по интернету, и по телефону, что были ночью заморозки у одного мужа, и мог грянуть гром во время зимы, так скоро и снег пойдет во время июля, прямо какая-то напасть, а не времена года. А на следующей неделе муж на дачу приедет. Какой тут любовник!

Нет, надо ехать в город. В городе — свободнее. В городе тебе и зима не зима, и весну можно встретить хоть завтра, и Новый год справлять, хоть сегодня. Было бы желание.

И к любовнику обращаться лучше по имени. А к мужу — лучше по прозвищу, так нежнее и по-домашнему. А имя у любовника, лучше всего, что-бы было коротким — Миша, Саша, Вася... А если Парамон или Пантелей? То какое это имя для любовника?

Так вот, когда Таня расплатилась с таксистом и вошла в подъезд, облака уже не было видно, но в подъезде была знакомая квартира, а квартиру открыл знакомый любовник, и ничего не знакомого здесь не было, и Таня сказала: «привет». Это хорошее приветствие — «привет». Потому что так можно приветствовать жизнь. А жизнь можно сравнить только с жизнью —

Жизнь —

Лучше

Хуже

Интересней

Прекрасней

Простая жизнь

У кого-то сложная жизнь —

И каждый в это вкладывает свое. А смерть не с чем сравнить, ее не видел ни один человек, а есть только представление о смерти. И представление бывает даже высшего качества. Но Таня со своим любовником не стали ничего представлять, потому что не на небе, а на экране шло кино — высшего качества —

И там был летчик высшего качества,

И он сказал своей жене, что раз она его жена, то она должна быть высшего качества,

А потом этот летчик улетел на задание высшего качества...

А его сбили по высшему классу, и стала жить его семья по высшему классу, и жена его получила награду по высшему классу.

Ну и на фига? Этот высший класс?

Может, лучше был бы простой летчик,

И была бы у него простая жена,

И полетел бы он в простой рейс,

И попросту его бы сбили,

И просто-напросто он спрыгнул бы с парашютом,

И просто приземлился,

И жили бы они со своей женой

До смерти просто и не сложно.

А если два любовника? И муж? Но с этим можно еще справиться. Любовников можно даже сравнить между собой. А муж вне сравнений. А если

три любовника? То можно заблудиться, как в лесу, а еще хуже — как в степи, а

А еще хуже — утонуть, как в океане,

Но совсем уж никуда не годится —

Утонуть, как в мелководной речке,

Где даже не сразу утонешь,

И непростительно, конечно, в болоте.

Но и в небесах при свете звезд —

Утонуть, тоже ничего хорошего,

Задохнуться от любовного эфира.

Как раз у любовника Тани было простое имя — Василий Иванович, а если покороче, то — Василь Иваныч. Зато со своей фамилией он намучился. Фамилия, как назло, была — Нечипаев.

Как в честь героя гражданской войны Чапаева. Но только с ошибкой. Нечипаев. И он словно всю свою жизнь поправлял ошибку.

Вася никогда не воевал ни на гражданской войне, ни в правом, ни в левом секторе, он не воевал вообще. Ему были безразличны —

Террористы

Беспризорники

Карьеристы

Депутаты

Бандиты

Мутанты

Оптимисты

Домохозяйки 1

Нигилисты

Домохозяйки,

Учителя

И даже соседи по подъезду.

Вася иногда любил читателей и сочувствовал иногда писателям. Он относил себя и к тем и к другим, потому что иногда почитывал, а иногда пописывал. Он даже иногда думал — какие же счастливые эти люди — читатели. Открой книжку и читай. А писатель вон он сколько всего написал, а даже если мало, то это еще лучше, если хорошо написал, а если много, то это еще лучше, если хорошо написал. И за писателем куда хочешь поедешь, и даже мама сказала: «я за Чеховым куда угодно поеду», а куда? В Ялту, что ли?

Но Василь Ивыныч с Таней не могли наговориться. Когда люди долго не виделись, какая разница, кто что сказал, но ты сказал, а может, ты сказал, какая разница.

— ...про смерть например

— а может быть там интересно

— была прекрасная погода

— неужели смерть придет?

— и заберет туда?

—
—

— а может, там интересней, чем в Америке?

А все-таки любопытный лучше, чем любознательный. Все дети любопытные, и они растут. А взрослые люди стремятся к знанию, и они ограничены до своего собственного предела. Или вообще ограничены. А крокодил ест всякую дрянь, даже человека, да все что ни попало, а крокодилья шкура — считается среди людей очень красивой и стоит очень дорого.

В комнате было жарко — и от объятий, и просто так. Таня вышла на балкон. А на пальце у нее было колечко, которое ей подарил Василь Иванович — на память и просто так. Это было простое тоненькое колечко, простое и не дорогое, с простым камушком. И оно просто терялось, а потом просто находилось. И Таня просто дорожила им, этим колечком. Но на балконе от этого колечка стало холодно. И пальцы на руке замерзли. И особенно тот палец, на котором было колечко.

Таня вернулась в комнату. Но и в комнате было жарко, даже душно. И задыхаясь от духоты, от жары, от колечка на пальце, Таня как-то случайно вздохнула и выдохнула:

— Вася, а я тебе вроде изменила.

Василь Иванович не носил очков. Но глаза его так округлились и увеличились, как будто на них были очки или линзы, или еще что там? увеличительные стекла, подзорная труба, микроскоп?

Таня застала себя в тот момент, когда поняла, что Василь Иванович ее рассматривает и она его рассматривает. И вот они так стоят друг напротив друга и друг дружку рассматривают, как будто чужие люди. Нет, не чужие. Зачем чужим друг друга рассматривать? А какие-то очень даже близкие, но забытые. И все это было необыкновенно.

И Таня сказала:

— Вася, я тебе изменила не в том смысле. Просто со мной случилось что-то необыкновенное, а ты про это ничего не знаешь. Я только это хотела сказать.

И в комнате пошел все равно снег, и все равно полетел тополиный пух, и даже эти противные парашютики от одуванчиков все равно летали как им вздумается и даже садились на волосы, и даже прилипали к рукам и от холода, и от жары.

А потом все прошло —

И одуванчики,

И даже буря мглою небо кроет,

И мороз и солнце день чудесный,

И даже я памятник воздвиг себе нерукотворный.

Осталась как обычно — обычная квартира. Все было знакомо. И кухня — как на ладони. И комната. И даже еще одна комната, как на ладони. Все как обычно.

И Таня уже не хотела вывалить, как снег на голову, все сразу — и про Мишу, и Тим Тимыча, и Ярему, и Менаду. А что бы она сказала про Мишу? Что у него голова вращается?

И тут раздался звонок в дверь

— не надо, не открывай, — сказала Таня вполне серьезно.

— почему?

— я знаю, кто это, не открывай.

— почему?

— не открывай.

— почему?

Вася пошел и открыл дверь.

А там все было очень просто.

Стоял молодой человек с пиццей.

— вот здесь распишитесь в квитанции, а так все уже оплачено.

Он передал коробку с пиццей и исчез. Да так быстро, что Вася не успел ему дать даже чаевые за доставку. Он исчез так, как будто его и не было.

— это ты заказала? — спросил Вася, вернувшись на кухню с коробкой в руках.

И Таня сказала:

— да, это я.

А потом она сказала такое, что Вася вообще не понял.

Таня сказала:

— да, это я заказала — и пиццу, и Наполеона Бонапарта, и Петра Первого царя, и Менаду с хвостом, все это я заказала. И добавила:

— и Мишу.

— какого Мишу? — спросил Василь Иванович вполне дружелюбно.

А потом переспросил:

— а кто этот Миша?

— да никто, — сказала Таня, — этот, как это называется, ну как это? Забыла, который в будке сидит в театре и роли подсказывает, когда актер забывает, вот, суфлер.

— какой суфлер? — удивился Василь Иванович.

— и еще пешеход, — сказала Таня очень внушительно и важно.

— какой еще пешеход? — сказал Василь Иванович тоже вполне важно.

И выдержав паузу, как в театре, Таня ответила:

— такой пешеход, который ходит.

— ну допустим, — ответил Василь Иванович как-то вяло.

А Таня как-то бодро и невпопад сказала:

— а я знаю, кто такая Красная Шапочка.

Жила-была, например, Красная Шапочка. И была она прекрасная-распрекрасная. И была у нее мама — тоже прекрасная-распрекрасная. И дала она ей корзинку с пирожками и горшочком меда. И послала она ее отнести этот гостинец бабушке. И Красная Шапочка несла корзинку и шла через лес, который был прекрасный-распрекрасный. И в этом лесу встретил ее волк, который был тоже прекрасный-распрекрасный. И самым прекрасным образом он съел Красную Шапочку. И каким-то распрекрасным образом пришел к бабушке и сказал ей, какие у нее прекрасные глаза. И бабушка растаяла от этих прекрасных слов, и растаявшую бабушку ничего не стоило прекрасным образом съесть. А потом в дом пришли охотники прекрасные — распрекрасные и сказали волку, чтобы он выплюнул и бабушку, и ее внучку. И волк не стал спорить, потому что характер у него был прекрасный. И самым прекрасным образом выплюнул и бабушку, и внучку. И все вместе радовались такому прекрасному поступку. И все вместе: и Красная Шапочка, и ее бабушка, и охотники, и серый волк — ели прекрасные пирожки. И запивали прекрасным-распрекрасным бургундским вином. Вот какая была прекрасная Красная Шапочка.

21 МИША НА УЛИЦЕ (ЧАСТЬ 2 ЛЕРА)

— а правда, хочешь бургундского? — сказал Вася. — у меня случайно есть бутылочка.

— давай, — сказала Таня, играючи.

А правда, пусть все будет играючи. Вот животные учатся жить, играя, и познают жизнь в игре. И ничего. Живут. Выжили. Несмотря на людей. А человек весь в трудах — и по делу, и по пустякам. Как проснется, сразу за труд. И трудится, и трудится в поте лица. Или без пота. Или без лица. Да какая разница.

— ну я же говорю, что это уже было 100 миллионов лет назад. Ты число миллион понимаешь?

— нет, я только тысячу понимаю.

— а я вообще только с т о.

Пусть все будет играючи.

Они посмотрели друг на друга, а игры-то не было. Даже никакой. Даже прекрасной, даже распрекрасной не было игры. Выйти из игры легко, а вот играючи войти в игру почти нельзя.

Даже бургундское было не игровое. Просто красное вино, да и все, а никакое не распрекрас-

ное. Зато Василь Иванович точно был Нечипаев. Один к одному — Нечипаев и все.

Но все-таки Вася нашел в себе силы и сказал Тане, играючи:

— ты просто устала.

Он так часто и раньше говорил. И потом — позже — все было хорошо, как раньше.

— может, и устала, — сказала Таня, — но может, не просто, а сложно, потому что...

Потому что... когда Миша вышел на улицу, там не было Тани.

А улица была как улица — немножко кривая, немного прямая, слегка грязная, кое-где чистая, ведь скоро зима. То оттаяет, то подморозит, ведь скоро зима — самая обычная зима.

Но самое необычное было то, что на этой обычной улице Тани не было.

И Миша сначала растерялся.

А потом смекнул, где она может быть.

И поскольку он был п е ш е х о д, он приперся к дому Василь Ивановича Нечипаева, как только Таня подъехала на такси. Потому что таксист, пока Таня дремала, успел ей показать и собор Василия Блаженного, и Ленинские горы, слава богу, что в Коломенское не повез.

А то когда Миша купил пиццу, он сам бы успел ее съесть.

— ладно, может и устала, — сказала Таня совсем не играючи, а вполне уставшим голосом, — может, и посплю.

Эта маленькая комната была самой уютной.

Таня закрыла дверь на крючок. В закрытой двери было что-то интимное.

Потому что только ей мог присниться только такой сон.

И никому другому.

А в открытых дверях есть какая-то распушенность, как на вокзале.

Ну и конечно же, именно у нее под одеялом появился Миша.

...Ну не появился ведь он в постели у Василь Ивановича Нечипаева.

Конечно, нет.

Что ему там было делать?

И Таня очень дружелюбно сказала Мише:

— привет.

Таня разбиралась в любовниках (в своих)

В винах

В любовных играх,

Просто в играх, в шарфиках, в Брейгеле младшем и старшем, в тридевятом царстве особенно

разбиралась. И конечно же, она разбиралась просто в этом

С а м о м.

В э т о м с а м о м — мало кто может разобрататься. Только каждый дурак думает, что понимает. А так спроси его про э т о с а м о е — пожмет плечами и ничего не ответит.

Да и сама Таня — про э т о с а м о е — если ее спросить как следует (а как следует?), никто не знает, тоже пожала бы плечами и сказала:

— да откуда я знаю.

Но про себя, когда была одна, она знала про э т о с а м о е.

Что есть на свете э т о с а м о е. Оно важнее самого важного и всего на свете. И если бы его не было, если бы э т о с а м о е куда-то исчезло, то человек стал бы просто голым и беспомощным дураком. А так э т о с а м о е, его, то есть человека, то есть его самого, то есть оно, э т о с а м о е, его держит. И человек в самый нужный миг говорит — ну вот, э т о с а м о е.

И про э т о с а м о е Таня знала.

Про э т о с а м о е знают птицы, зверюшки, ну и те, кто в небе и в облаках. И даже все, кто хоть чуть-чуть хочет знать про э т о с а м о е, он знает.

Потому что знание к нему так и — идет. А не он бежит за знанием. Нет, он поначалу бежит, как школьник, как плохой ученик и как хороший. Но когда профессор видит впереди себя э т о с а м о е и тупо идет за ним, лишь бы дойти, то э т о с а м о е сломя голову бежит от этого профессора — к своему тому, кто только слегка подхватит э т о с а м о е и понесет.

— да, да, да, — сказала Таня Мише, — да.

22 КАШТАНКА — ПРО ЧЕЛОВЕКА

Про гения проще говорить, чем просто про хорошего.

Ну что там говорить про гения? Гений он и есть гений.

А вот хороший писатель, он ведь хороший, и в то же время — не такой уж хороший. Можно сказать, даже совсем не хороший. Ну что в нем хорошего?

Чехов как раз из таких хороших писателей, который может быть предметом разговора, когда поговорить охота.

Эту «даму с собачкой» так перемусолили. А что хорошего? И он и она — оба неудачники. А рассказ удался.

— летают в вакууме три с половиной планеты

— не планеты, а галактики

— ну галактики, какая разница

— это все равно, что три с половиной листочка опавших на всю Москву

— ты скажи, будем «Чайку» ставить?

— да ну ее. Давай лучше поставим «Каштанку».

— это же рассказ

— какая разница, главное, что Чехов написал, а нам надо Чехова, а не «Муму», вот когда придет год Тургенева, тогда будем обсуждать «Муму».

С Каштанкой как-то повеселее. Опять же собачка на сцене. Я могу, кстати, эту собачку, эту Каштанку сыграть. Что у нас, Зоопарк, что ли? Ты бы еще жирафа притащил. Нет, жираф — это у Гумилева. А у нас — Чехов. Давайте поставим очень скучно с нежностью до нектасты, чтобы все зрители расходились. Так у тебя от зрителей никого не останется. Ну и хорошо, а тот, кто останется хоть один, для того, для одного — и сыграем. А что сыграем? Да хоть «Чайку». Здравств, приехали. Давай лучше про «Каштанку». Самая, конечно, важная роль — это собачка Каштанка. А ее можно вдвоем играть. Одну роль — вдвоем? А можно вообще втроем — Каштанка в детстве, в отрочестве и в юности. И вообще-то мы играем про человека. А где здесь человек? А человек в уме...

23 МИША С НЕЧИПАЕВЫМ

Таня уснула.

Миша вышел на кухню попить. Он был, слава богу, в штанах.

На кухне сидел Василь Иванович Нечипаев и дремал...

Когда Миша вошел, он встрепенулся.

— я попить, — сказал Миша и пошел в туалет.

А потом, когда Миша вышел, Нечипаев сказал: — попей.

А потом вдруг сказал:

— ты кто?

— я Миша, я попить вышел.

— стой! — воскликнул Нечипаев почти как в гражданскую войну, даже еще хуже, и повторил:

— ты кто?

— я Миша. — и Миша мирно сел в кресло для переговоров.

— ты галлюцинация, — спросил Нечипаев.

— нет, я живой человек.

— а имя у тебя есть?

— я Миша Китаев — друг Тани.

— А где Таня?

— спит. А я просто Миша, попить вышел.

— что-то мне это напоминает, — сказал Нечипаев, — давай выпьем за твое здоровье.

— давай, — сказал Миша, — только у меня нечего.

— а у меня есть, — сказал Нечипаев и полез в холодильничек. Посмотрел, огляделся, огляделся и сказал:

— и у меня нечего.

— а у меня, кажется, есть, — сказал Миша, — я только сбегаяю.

И он пробежался по горизонту.

Легко, как перышко, которое как перышко прошмыгнет в окно.

Нет, как перышко, сдутое с пальцев любимой, когда она говорит нет, и я тебя никогда и не любила, и вот это перышко, брошенное в окно — неважно — нет, сдутое — неважно — его надо разорвать, это перышко, его надо казнить смертной казнью, его надо расстрелять, это перышко. Нет, его надо сначала расстрелять, а потом про с т и т ь.

Нет, его надо не задумываясь — поцеловать.

Ведь оно летало так долго — и оно устало, это перышко, оно

Оно было безгранично плохим

Безграмотным

На нем не было шляпы

И даже зонта

И даже на последней остановке троллейбуса он сказал водителю спасибо, и водитель сказал ему спасибо и потом...

Вот бежать за горизонт

и когда бежишь за горизонт, то никогда не скажешь, что земля круглая

Она — длинная

Она — навсегда и навсегда убегает в п е р е д.

И чем дальше по ней бежишь, то ее все больше, и потом от нее можно устать и привалиться на з е м л ю, тогда нежную вместе с небом, и по нему, небу, не надо бежать, его можно только поцеловать, и то взглядом или одними только глазами, даже не губами. Даже не руками, даже не мыслями и не стихами. И еще точно не геометрией, где, кажется, какие-то энергетические равновесия, какой-то сюрприз, умножающийся на какое-то время, когда пора вставать по будильнику —

А потом

А потом

А потом

А дети делают только самое нужное и необходимое в их жизни. А взрослые все остальное.

— давай математически решать, кто прав, а кто не прав, — сказал Нечипаев.

— давай, — сказал Миша.

— вот пять разделить на ноль, сколько будет? — спросил Нечипаев

— а кто его знает, — сказал Миша.

— даже дети знают.

— ну и сколько?

— бесконечность, — со знанием дела сказал Нечипаев.

— неправильно, — сказал Миша, — надо сначала определиться, кто из нас ноль, а кто пять, в этом вся математика и химия, и даже физика, и даже таблица Менделеева, и с ним покойным, и его дочкой покойной Любовь Дмитриевной, и даже с поэтом Александром Блоком ее мужем.

Главное определиться.

Можно спрашивать

Академиков

Писателей

Ученых

Дворников

Артистов

Певцов

Бас-гитару

Обычную дворовую гитару

Националистов

И никто тебе толком не скажет, сколько будет пять разделить на ноль, потому что толком никто не знает, что такое пять, что такое ноль и что такое бесконечность.

Успокоились.

— а ты Таню давно знаешь? — спросил Нечипаев.

— да сто лет, — сказал Миша, — я ее знаю, как облупленную.

24 ТАНЯ ПРОСНУЛАСЬ

Таня зашла на кухню, увидела Василь Ивановича Нечипаева с Мишей и сказала Мише:

— у меня золотые бокалы в сумке из домика Петра, из Коломенского, когда вы там выпивали с Петром, надо будет их обратно отвезти Петру в Коломенское.

— вы что, оба шутите? — сказал Нечипаев.

— нет, Василь Иванович, мы так разговариваем на полном серьезе, скоро привыкнешь.

Она повернулась к Мише и спросила у него тихо: «а где ты был?»

— в Нижнем Новгороде, — ответил Миша.

И он стал рассказывать.

Дальше все будет под большим секретом.

И оттуда лилась беспричинно-прекрасная музыка, и там колыхались наивно-пошлые, всех цветов, бумажные цветы, которые обозначали рай, хоть и кладбищенский, в который должен был войти покойник, без всякой воли или по собственной воле, это можно обсудить, но уже принадлежащий душой богу, а значит, божья душа. И все вокруг так шевелилось, как будто

по мелочам и ветер, и просто так — кто — все были рады, что произошло чудо, и пошел дождь, а за ним снег, а за ним снег да снег, и все-все говорили о том, что так не бывает. Но так бывает. И сто лет назад бывало, и тысяча, и может, даже мильон. Но хотя никто не знает, что такое мильон и что такое тыща. Зато все знают — завтра и вчера, потому что это особенно никто не знает. Особенно радуга, которую видели два с половиной человека, из которых половина — во сне.

Миша с Таней смотрели друг на друга, как заговорщики, а Василь Иванович Нечипаев смотрел на них, как противник.

Наконец, Миша дружелюбно сказал Нечипаеву:

— Василь Иванович, ну как там на войне?

— а тебе скажу, на гражданке лучше, чем на Гражданской войне.

— значительно лучше, — сказал Миша.

— а ты толковый парень, — сказал Нечипаев, — только вот откуда ты взялся? — ДА Я ВОТ ТОЛЬКО ЧТО ИЗ ПИТЕРА ВЕРНУЛСЯ.

— А Я С ЛУНЫ, — СКАЗАЛ Нечипаев.

— а я с Краснодара, — подыграла Таня.

— ну и как там у вас на луне? — спросил Миша у Нечипаева.

— на луне вообще никто не был, — как-то заговорщически сказал Нечипаев.

— так американцы же, — так же заговорщически сказала Таня.

— американцы, они наговорят... — важно ответил Василь Иванович.

— так и ты говори, — простодушно сказал Миша.

— а что говорить? — засмутился Нечипаев.

— как там на луне? — не отставал Миша.

— вот ты сам и говори, — отмахнулся Нечипаев.

— а я и скажу, — сказал Миша, — ничего, живут. Там много ям и рытвин. И все такие рытвины, рытвины. И все такие ямы, ямы. И еще там есть одна в е щ ь.

— какая? — как-то по-детски спросил Нечипаев.

— а вот это я тебе не скажу, — ответил Миша.

— а по секрету?

— нет, — твердо сказал Миша.

— да врешь ты все, — шутливо сказал Нечипаев.

На том и порешили.

— ладно, друзья, — сказал Нечипаев, — мне надо ехать по делам, ключ где всегда.

— у нас тоже дела, — нам нужно отвезти бокал в Коломенское — в домик Петра.

— эту как бы золотую безделушку, — с усмешкой сказал Нечипаев.

— не как бы, а настоящей золотой бокал, из которого Петр пил, — спокойно сказала Таня.

— а ты сама видела?

— Миша видел.

— Миша много чего видел. — Нечипаев был раздражен.

— а вот ты зато ни во что не веришь, — сказала Таня, — ни в луну, ни в Наполеона, ни в бокал.

— так этого ничего нет...

— а вот возьму и скажу, что есть.

— ладно, не будем спорить о пустяках, — примирительно сказал Нечипаев, — давай до вечера, мне нужно идти, пока.

И он взял и ушел.

А Миша с Таней оделись и тоже взяли да и ушли.

25 БОКАЛ

В Коломенском было прекрасно-распрекрасно.

Было сразу видно, что Новый год здесь наступит раньше, чем везде.

Хотя повсюду Новый год уже приближался, и пахло елкой, мандаринами и чем-то очень детским. Это детское было разлито в самом воздухе, как счастье, и от этого было хорошо.

И хорошо, что не было солнца, а был белый туман, может, от реки, а может, от белой церкви, которая была самая красивая в этом месте. И даже разные люди, которые шли к ней, не портили ее, а были просто такими ручейками, которые стекались к ней.

Миша привел Таню к Домику Петра. Домик работал, а посетителей не было ни одного.

Сидела приятная пожилая женщина-смотритель. Она по-домашнему их пропустила по билетам, и они чувствовали себя как дома. Женщин-смотритель осталась на своем месте, а они прошли вглубь дома.

И там в глубине, спиной к ним, стоял человек. Не очень большой, примерно как подросток. А когда человек повернулся, Таня только сказала: «ой». А Миша ничего не сказал. Он был спокоен.

Лицо у этого незнакомца было удивительным — большие добрые глаза, которые излучали нежность и как будто улыбались. Между глазами, где обычно бывает переносица, был маленький носик, совсем маленький, как у куклы. Зато вместо носа и рта был большой клюв, который был слегка приоткрыт, и оттуда показывался небольшой язычок. Невиданный незнакомец издавал звуки типа «ля-ля». И все лицо было такое миловидное, такое приятное, какое редко встре-

чается даже у очень красивых людей, а ведь их немало.

— кто это? — спросила Таня, обращаясь даже ни к кому.

Миша дал существу листок бумаги и ручку.

Таня прочитала: «Оля».

— ее зовут Оля, — сказал Миша.

— ты так спокоен, — сказала Таня, — как будто ты ее сто раз видел.

— не ее, а их, — сказал Миша, — и не сто, а больше.

— откуда ты все это знаешь? — с какой-то опаской спросила Таня.

— просто я тебя привел в свой мир.

На Оле был светло-синий костюм из легкой ткани, больше напоминавший пижаму.

Оля куда-то заторопилась. И они быстро последовали за ней, проскользнув все вместе мимо женщины-смотрителя. Оля быстро шла к реке, и они еле поспевали за ней.

У самого берега реки было мелко.

Оля легла в воду — и растворилась в воде, как сахар или снег, после чего осталась только белая пена и ее синяя пижама.

— Она была уже старенькой, — сказал Миша. — Когда они чувствуют смерть, они идут к воде и растворяются в воде — так они умирают.

— и ты все это знал и молчал, — почти беззвучно сказала Таня.

— ты бы не поверила.

— да я и сейчас как-то не особенно верю, все это как-то туманно.

— поедем, — сказал Миша, — скоро будет сильный дождь.

Они вышли на улицу, взяли такси и поехали.

— а куда мы едем? — спросила Таня.

— к одному ученому, — ответил Миша.

И больше они не говорили.

26 УЧЕНЫЙ

В такси Миша сел рядом с водителем, а Таня на заднее сиденье. Она смотрела в окно, но толком ничего не видела. К тому же действительно пошел дождь. Не такой — летний, быстрый, как из ведра, а долгий, длинный, чувствуется, на весь оставшийся день. И за окном все было серое, а иногда — цвета благородно почерневшего серебра, когда подолгу не чистят серебряные ложки.

И Таня все вспоминала реку и Олю. Как Оля на самом деле растворилась в воде прямо на глазах, как сахар или снег, только быстрее — раз и ее нет. А не так — что сначала рук нет, потом ног,

потом головы, а потом уж всего туловища. Нет — просто раз и нет.

И сидя в такси, Таня думала: «вот я еду в такси, это на самом деле, а то, что Оля растворилась в воде, это что? Тоже на самом деле? Но ведь не может быть и то и другое на самом деле. Или может?»

Таня вышла из такси около приятного, старой постройки шестизэтажного дома. Миша расплатился с таксистом.

— будет весело, — сказал он Тане, и они поднялись на лифте на последний шестой этаж.

Миша позвонил в нужную дверь. Дверь им открыл молодой человек, действительно очень красивый. Он был чуть выше среднего роста, повыше Миши, со светлыми, слегка вьющимися волосами, чуть выше плеч. С правильными, но очень приятными чертами лица. Ведь часто бывает, что при правильных чертах лица оно делается — холодным, строгим, высокомерным, злым, а еще хуже — наглым. Ничего этого не было. Лицо играло и жило такой веселой жизнью, что Таня даже заулыбалась. Они вошли в квартиру.

— я вас познакомлю, — сказал Миша, — это Таня, моя любимая девушка. А это мой друг Елисей.

— проходите в комнату, — сказал Елисей, — чего-то тебя давно не было, — сказал он Мише.

«Наверное, сын ученого или внук», — подумала Таня.

Елисей пошел на кухню, а Таня осмотрелась. Это была большая комната. С удобным диваном, стареньким пианино, круглым столом со стульями посередине, книжными полками, шкафчиком для посуды, потертым ковром на полу. Комната явно не соответствовала возрасту Елисея. Она была намного старше его. Но поражало то, что она была удивительно чистая и свежая. Никакой пыли. Паркет был натерт. Все стекла книжных полок прозрачны.

— а где же ученый? — спросила Таня у Миши.

— сейчас, сейчас, все будет, — ответил он улыбаясь.

Елисей быстро вернулся. Поставил на стол коньяк, белое вино, какие-то приятные сухарики, яблоки и воду.

— достань там рюмки и стаканчики, — попросил он Мишу.

— выпьем за знакомство, — сказал Елисей, обращаясь к Тане.

— хорошо, — сказала Таня.

И они все вместе выпили.

— не бойся, — сказал Миша Елисею, — Таня все знает, даже про Олю на реке.

Елисей принес хлеба и небольшую, но глубокую плоску. В плоску налил сухого вина.

— а это для кого? — спросила Таня.

— это для Коли, ему так удобнее.

Коля деликатно взял плоску в руки, окунул в нее клюв и с удовольствием выпил.

— он что, пьет вино, — удивилась Таня.

— он пьет все, — сказал Елисей.

— а что же он ничем не закусывает?

— а он вообще ничего не ест, только яйца.

— куриные? — спросила Таня.

— нет, свои собственные, они откладывают яйца, это такой способ размножения, и часть из этой кладки они едят, а больше ничего не едят...

— понимаю, — сказала Таня, — я, пожалуй, пересяду на диван.

— пересядь, — сказал Елисей и заботливо добавил: — хочешь, я тебе подушку дам?

Он подкинул Тане подушку.

— Елисей, — сказал Миша, — ты давай полегче. Ты меня сколько готовил! Полгода! А тут все хочешь вывалить за полчаса. Ты давай как ученый, спокойнее.

— а чего ты, собственно, испугалась, — сказал Елисей Тане, — я не знаю, кто они, а они знают, кто мы. Вот тебе сколько лет?

— сто, — весело ответила Таня.

— ну вот, — так же весело сказал Елисей, — а Коле, может, сто десять.

— я же сказал, что будет весело, — сказал Миша.

— ты знаешь, — продолжал Елисей, — я их называю ляльки. Они произносят что-то вроде ля-ля, они не разговаривают. Они умеют читать и писать на всех языках, какие есть на земле, но издают звуки только ля-ля. Поэтому, когда они пишут свое имя, то там обязательно на конце присутствует «ля». Например, Оля, Коля, Эля, Валя, Толя, Галя, Ляля, Леля и так далее. Вот спроси, кто к нам сегодня придет в гости из ляляк, пойдешь напиши на доске. И тут Таня только заметила, что на стене висит несколько грифельных досок, какие бывают в учебных классах. Она смело подошла к доске и, обращаясь к Коле, написала: «Коля, кто придет в гости?»

Коля взял у нее из рук фломастер и в свою очередь написал: «скорее всего, придет Толя».

Не было звонка в дверь. И дверь никто не открывал.

В комнате появился Толя. Он стоял около балконной двери и вертел в руках уличный цветок, видимо, с клумбы. Он подошел к Тане и отдал ей цветок. Он, как и Коля, при общении с людьми смотрел прямо в глаза, такая у них была особен-

— Оля умерла? — спросил Елисей.

— умерла, — ответил Миша, — сегодня в речке. В Коломенском.

— ну это было очевидно, — сказал Елисей.

— Миша, — сказала Таня, — а где же ученый?

— так вот же, — Миша подошел к Елисею и слегка обнял его.

— уче-е-еный, — Таня даже поперхнулась водой, — сколько же тебе лет?

— двадцать один... какая разница.

— я думала, ты внук или сын ученого.

— нет, у меня умерли родители, — и он так ласково улыбнулся, словно порадовался за родителей, что они умерли.

И тут — в комнату вошла — точно т а к а я, как Оля, которая в Коломенском растворилась в воде.

— вот познакомьтесь, — сказал Елисей Тане совершенно спокойно, — это Коля.

Коля протянул Тане руку, небольшую, красивую и ухоженную, как у Печорина.

— Коля здесь живет, — сказал Елисей.

Помолчали.

Еще помолчали.

— а теперь, Таня, раз уж все мы знакомы, спрашивай что хочешь, я тебе как ученый отвечу.

— может, еще коньяку и просто хлеба.

— конечно, — сказал Елисей, — давайте повторим. Сейчас принесу хлеба.

ность. И по глазам было видно, что Толя смущается.

Таня написала на листочке бумаги: «тебя зовут Толя?»

Он написал в ответ: «да, я Толя», и вслух произнес: «ля-ля».

Общество заметно оживилось, да и Таня уже не так смущалась.

— видишь, сказал Елисей, обращаясь к Тане, раз — он здесь, раз — и он уже не здесь. Они даже умеют проходить сквозь стены, любые, хоть бетонные, хоть железобетонные, хоть сделанные из слюны...

— из чего? — переспросила Таня

— ну, из слюны или из пуха, — продолжал Елисей

— или из стены недоверия, — вставил Миша

— они могут в любой момент стать невидимыми, — продолжал Елисей, — то, о чем люди только мечтают, они уже умеют. Но и они уязвимы. Они не могут жить без людей. Они живут только среди людей. Они питаются любовью, которая исходит от человека. Потому что только человек может по-настоящему любить. Этот дар любви дан только человеку. И по-настоящему больше никому. И они просто к у п а ю т с я в человеческой любви. Они никогда не будут рядом с тем, кто не умеет любить.

— это ты как ученый говоришь, — улыбаясь сказала Таня.

— конечно, как ученый, у тебя очень привлекательная улыбка, я бы сказал даже, сексуальная.

— ну ты, поосторожней, — сказал ему Миша.

А Елисей продолжал:

— я тебе скажу, Миша, очень интересную де-вушку ты выбрал для любви.

— это ты как ученый говоришь?

— нет, просто как друг.

— послушай, Елисей, — сказала Таня, — скажи мне как ученый, как это могут они — исчезать, появляться, растворяться в воде, нести яйца, пить все подряд, если в этом есть вода, как они это делают?

— как ученый я тебе могу уверенно ответить, — Елисей очень внимательно посмотрел на Таню, — не з н а ю.

— а ты спрашивал, хотя бы у Коли, как они про-ходят сквозь стену, — не унималась Таня.

— спрашивал.

— и что он ответил?

— он написал: «очень просто».

— а ты спрашивал, как он может становиться невидимым?

— спрашивал. Он написал: «спокойно».

— а ты видел у него кровь?

— никогда.

— а если он случайно порежет палец?

— не было такого случая.

Помолчали.

А потом еще помолчали.

Елисей самый первый молчал. Он смотрел на всех сразу. Скорее всего, взгляд он перенял от ляляк. Теперь взгляд его играл — он был то великолепно-нежный, то совершенно свободный, а то такой дерзкий, а то совсем смешной.

— Елисей, — сказала Таня, — я хочу тебя пригласить к одному человеку. Очень интересный человек, Миша его знает, и Колю приглашаю и Толю.

— с удовольствием, — сказал Елисей.

А Коля и Толя кивнули в знак согласия.

27 ЛЯЛЯКИ У ТИМ ТИМЫЧА

Тим Тимыч открыл дверь. В дверях стояла Таня, за ней Миша, за ним Елисей а за ним — Коля и Толя.

— заходите, — сказал Тим Тимыч.

Все вместе прошли на кухню, где уже сидела компания.

— вот познакомьтесь, — сказал Миша, — мои друзья. — И он показал на Колю и Толю.

— прекрасная работа! — воскликнул Ерема, — нет слов, какой грим! — и он попытался подойти и потрогать клюв у Толи.

— стой! — воскликнул Миша, — руками не трогать, понял!

— понял, — сказал Ерема, — что, клюв отвалится?

— отвалится, — спокойно ответил Миша.

Все успокоились и присели, кто где.

И люди как шарики воздушные улетают, и это есть души. А вы как думаете, и это от души, вот так и есть души...